

ПОСЛАНИЕ МИХАИЛУ, КНЯЗЮ БОЛГАРИИ СВТ. ФОТИЯ, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

ВВЕДЕНИЕ, РУССКИЙ ПЕРЕВОД
И КОММЕНТАРИИ

Павел Владимирович Кузенков

кандидат исторических наук
доцент кафедры «Социально-политические и философские науки»
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33
pk407@mail.ru

Для цитирования: Послание Михаилу, князю Болгарии свт. Фотия, патриарха Константинопольского / введение, русский перевод и комментарии П. В. Кузенкова // Библия и христианская древность. 2025. № 2 (26). С. 48–96. DOI: 10.31802/BCA.2025.26.2.002

Аннотация

УДК 821.14 (27-29)

Вниманию читателей предлагается новый перевод одного из самых знаменитых православных духовно-политических наставлений («княжеских зеркал»). Оно адресовано первому болгарскому христианскому правителю — князю Борису-Михаилу (852–889). Автор послания — великий церковный, государственный и культурный деятель Византии, св. Фотий, патриарх Константинопольский (858–867, 877–886). Данный текст пользовался большой популярностью как в Византии, так и на Руси и стал одним из первых византийских текстов, переведённых на русский язык в Новое время (1779). Послание, представляющее архетип христианского отношения к власти, построено в виде краткого очерка церковной истории, сопровождаемого нравственными максимами библейского, святоотеческого и античного происхождения.

Ключевые слова: православные духовно-политические наставления («княжеские зеркала»), патриарх Фотий Константинопольский, князь Борис Болгарский, византийская политическая идеология.

Epistle to Michael, Prince of Bulgaria, of St Photius, Patriarch of Constantinople

Introduction, Russian Translation and Notes

Pavel V. Kuzenkov

PhD in Historical Sciences

Assistant Professor of Department «Social-Political and Philosophical Sciences»

at the Institute of Social Sciences and International Relations

at the Sevastopol State University

33, Universitetskaya st., Sevastopol 299053, Russia

pk407@mail.ru

For citation: Kuzenkov, Pavel V. "Epistle to Michael, Prince of Bulgaria, of St Photius, Patriarch of Constantinople". Introduction, Russian Translation and Notes. *Bible and Christian Antiquity*, № 2 (26), 2025, pp. 48–96 (in Russian). DOI: 10.31802/BCA.2025.26.2.002

Abstract. The readers are offered a new translation of one of the most famous Orthodox spiritual and political instructions («princely mirrors»), addressed to the first Bulgarian Christian ruler, prince Boris-Michael (852–889). The author of the message is St. Photius, Patriarch of Constantinople (858–867, 877–886), the greatest church, state and cultural figure of the Middle Byzantium period. This text enjoyed great popularity both in Byzantium and in Rus' and became one of the first Byzantine texts translated into Modern Russian in the New Age (1779). The message, representing the archetype of the Christian attitude to power, is structured as a brief outline of church history, accompanied by moral maxims of biblical, patristic and ancient origin.

Keywords: Orthodox spiritual and political instructions («princely mirrors»), Patriarch Photius of Constantinople, Prince Boris of Bulgaria, Byzantine political ideology.

Введение

Послание патриарха Фотия болгарскому князю Борису-Михаилу, известное также под заголовком «О должности княжеской», принадлежит к числу эталонных произведений восточнохристианской политико-богословской мысли. Его автор — крупнейший церковно-политический деятель средневизантийского периода, ярчайший представитель так называемого Македонского возрождения IX–X вв., эрудит и богослов. Свт. Фотий известен прежде всего полемическими трактатами против *Filioque* и грандиозной «Библиотекой», в которой собраны выписки из четырёхсот сочинений древних авторов (более половины из которых ныне утрачены). Значительно менее известно его гомилетическое и эпистолярное наследие, которое представляет огромный интерес как яркий образец средневековой византийской богословской традиции. Во многих своих письмах — прежде всего в тех, которые были включены в сборник «Амфилохии» — патриарх Фотий выступает не просто как знаток Священного Писания и святоотеческих трудов, но и как тонкий экзегет и глубокий богослов. Но особенно ревностно он, по долгу своего сана, выступает на поприще духовного поучения. Здесь, как представляется, многогранный талант патриарха Фотия раскрывается наиболее ярко: он выступает и как епископ, и как политик, и как философ, и как духовный писатель. И не будет преувеличением сказать, что письмо-наставление, адресованное новокрещёному князю Болгарии Борису-Михаилу, занимает особое место в творчестве Фотия: не случайно в сборнике его писем (составленном, как считается, ещё при жизни святителя) оно, нарушая общий хронологический порядок, имеет первый номер¹.

Крещение Болгарии стало самым ярким успехом широкой миссионерской программы свт. Фотия, включавшей в себя деятельность Константина Философа и его брата (свв. Кирилл и Мефодий) в Хазарии и Моравии, а также активный богословский диалог с армянами и так называемое «первое крещение Руси». На всех этих направлениях достигнуты были те или иные позитивные результаты, но их необходимо было развивать и укреплять. Поскольку действие, как известно, рождает противодействие, то миссионерские успехи православной империи

1 *Photius Constantinopolitanus. Epistula 1 // Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et amphilochia: in 5 vols. / rec. B. Laourdas et L. G. Westerink. Vol. 1: Epistularum pars prima. Leipzig, 1983. (BSGRT). P. 2–39.*

не могли не вызывать негативной реакции со стороны её многочисленных конкурентов и оппонентов.

«Борьба» за Болгарию развивалась особенно драматично. Это государство было создано на территории европейских провинций Восточной Римской империи ещё в 80-е годы VII в., когда один из кланов распавшейся под ударами хазаров причерноморской Великой Булгарии прорвался через Дунай. Императоры, поглощённые борьбой с арабами, не сумели вовремя отразить опасность, и болгары, объединив вокруг себя многочисленные славянские родоплеменные общины (славинии), создали сильное и воинственное государство в непосредственной близости от Константинополя. В течение всего VIII в. и в первой половине IX в. болгарский «фронт» был едва ли не более важным для Византии, чем восточный; правда, в критический момент арабской осады Константинополя в 717–718 гг. болгары неожиданно помогли ромеям, разгромив высадившиеся во Фракии войска халифата. Но в дальнейшем именно войны на Западе оказались самими опасными для императоров: в Болгарии погиб Никифор I (802–811) и был смертельно ранен его сын Ставракий (811), из-за поражения от болгар лишился власти Михаил I (811–813) и был оскроплен его сын Никита (будущий патриарх Игнатий, 847–858, 867–877). В Болгарию уводилось огромное количество пленных (среди них была и семья будущего императора Василия I Македонянина, 867–887). И медленно, но верно среди болгар и подчинённых им славян распространялось христианство.

Болгарские правители (по-славянски именовавшиеся князьями) и знать (боляре) весьма настороженно относились к «греческой вере», видя в ней инструмент политического и культурного влияния Византии. Время от времени в Болгарии вспыхивали гонения, жертвами которых становились, в первую очередь, обратившиеся в христианство представители тюркской знати. Однако к середине IX в. ситуация изменилась, и болгарский князь Бóгорис, более известный как Борис (852–889), задумался о принятии крещения. Источники акцентируют субъективные моменты этого решения: хроника анонимного продолжателя Феофана рассказывает о глубоком впечатлении, которое произвела на болгарского правителя фреска Страшного Суда², а хроника

2 *Theophanes Continuatus. Chronographia* IV, 15 // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ex recog. I. Berkkeri. Bonnae, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). P. 163–165. Рус. пер.: *Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей* / пер. Я. Н. Любарского. СПб., 2009. (Византийская библиотека). С. 109–110.

Симеона Логофета — об отчаянии болгар из-за голода и страха византийского вторжения³.

Предпосылками этого решения исследователи считают множество объективных факторов: необходимость военно-политического взаимодействия с окружающими христианскими странами (Великой Моравией, Восточнофранкским королевством (Германией), Хорватией, Византией); значительный процент христианского населения в самой Болгарии; наконец, цивилизационное влияние христианского мира, причём не только со стороны православной Византии, но и со стороны латинского Запада, объединённого под духовным водительством папы и политической властью Каролингов. Об этом влиянии свидетельствует принятие болгарами греческого алфавита (т. н. кириллицы), а также проникновение в старославянский (древнеболгарский) язык⁴ многочисленных заимствований из латино- и германоязычной христианской среды. О значительности влияния последней говорит уже тот факт, что такие слова как «кръсть» (< др.-герм. *krist*, «Христос; распятие»), «църкы» (< др.-герм. **kirikô*), «попъ» (< др.-герм. *pfaffo*), «цъсаръ» (< др.-герм. *Kaisar* < лат. *Caesar*) и даже «грьци» (< лат. **Graeci*) были взяты в общеславянский лексический фонд с латинского Запада, а не с греческого Востока⁵. Более того, миссионерская активность «католического» мира (под которым мы в данном случае понимаем не конфессиональный, а эkkлезиологический феномен римоцентричной церковной структуры) была в это время значительно выше, чем со стороны православной Византии. И именно патриаршество Фотия явилось переломным в этом отношении⁶.

Крещение Болгарии стало результатом многовекторной комбинации, в которой принимали участие три основные церковно-политические силы: Византия в лице светских властей (императора Михаила III и кесаря Варды) и патриарха Константинопольского Фотия; Рим в лице папы Николая I и его легатов; Восточнофранкское королевство

3 *Symeon Logothetes. Chronicon* 131, 25 // CFHB SB. 44/1. P. 243. Рус. пер.: Симеон Магистр и Логофет. Хроника / пер. А. Ю. Виноградова, коммент. П. В. Кузенкова. М., 2014. (Мириовивилон. Источники). С. 184.

4 Зафиксированный в переводах кирилло-мефодиевской традиции.

5 См.: *Slovník jazyka staroslověnského: v 4 sv.* Praha, 1958–1994. Sub verbis.

6 О различиях западного и византийского подходов к миссионерству см.: Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 143–146.

в лице короля Людовика Немецкого и баварских миссионеров. Именно восточные франки (немцы), незадолго до этого уничтожившие Аварский каганат и подчинившие себе Моравию и Паннонию, стали наиболее опасными соседями Болгарии. В 853–855 гг. Борис Болгарский пытался противопоставить немецкому давлению союз с Ростиславом Моравским и западными франками (будущими французами), но потерпел неудачу. В 863 г. он уже воевал на стороне восточных франков против Моравии; однако за Ростислава вступилась Византия. Военное давление со стороны ромеев в 864 г. увенчалось не только заключением византийско-болгарского союза, но и крещением князя Бориса от греческих епископов. Вслед за князем, принявшим христианское имя Михаил, крестилась и болгарская знать, после чего началось крещение и всего болгарского народа.

Очевидно, вскоре после этих событий, в начале 865 г., патриарх Фотий и пишет послание своему новообретённому духовному сыну, перевод которого представлен ниже.

Послание Фотия принадлежит к жанру т. н. княжеских зеркал — назидательных поучений, призванных сформировать образ идеального правителя. Такого рода тексты, уходящие корнями в Античность, пользовались популярностью и в Византии, и в Западной Европе, и на арабском Востоке, и на Руси⁷. Русский перевод послания Фотия к Михаилу Болгарскому известен в рукописях XVI в.⁸ Прп. Максим Грек (который, вероятно, и был его переводчиком)⁹, назидал царя Ивана Грозного: «чти себѣ частѣе послание блаженаго Фотиа патриарха Царяграда, его же посла къ бльгарскому князю Михаилу, и велику премудрость и ползу оттуду исчерпнути имаши, аще послушаеши его»¹⁰. Примечательно, что указанное сочинение патриарха Фотия стало едва ли не первым греческим средневековым текстом, который удостоился перевода на русский язык в «просвещённый век» Екатерины Великой: в 1779 г. иеродиакон Иуст (Драницын) посвятил его

7 См.: Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 33–66; A Critical Companion to the 'Mirrors for Princes' Literature / ed. by N.-L. Perret and S. Péquignot. Leiden; Boston (Mass.), 2023. (Reading Medieval Sources; 7).

8 Синицына Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1965. Т. 21. С. 96–125.

9 Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 151.

10 Максим Грек. Слово к начальствующему на земле // Максим Грек, прп. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2014. С. 248–249.

архиепископу Московскому Платону (Левшину)¹¹. Как ни парадоксально, с тех пор данный текст по-русски не издавался — хотя удостоился отдельного англоязычного издания в США¹². Данный перевод призван восполнить этот пробел и познакомить с этим важным памятником византийской мысли современного русского читателя.

Перевод выполнен по изданию: *Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et amphilochia*. Vol. 1. P. 2–39 (страницы издания указаны в косых скобках). Сверен по английскому переводу, которому в целом соответствует деление на параграфы и подзаголовки. В квадратных скобках даны смысловые вставки.

11 *Фотия, патриарха Константинопольского, Послание к Михаилу, князю Болгарскому, о должности княжеской* / пер. иерод. Иуста (Драницына). М., 1779.

12 *White D. S., Berrigan J. R. The Patriarch and the Prince: The Letter of Patriarch Photius of Constantinople to Khan Boris of Bulgaria*. Brookline (Mass.), 1982.

**Знаменитейшему и славнейшему возлюбленному
во Господе духовному сыну Михаилу,
от Бога архонту Болгарии¹³**

[Пролог]

1. Иные дарения¹⁴, о светлейший и возлюбленный сыне наш, доставляют тем, кому они воздаются, выгоды малые и временные; но те, что по природе своей способны улучшать душу, очищая её от заблуждения и страстей и просвещая сиянием и светом добродетелей и истины, — вот это дарения воистину благодатные, предоставляющие великую и бессмертную пользу тому, что бессмертно и богоподобно, то есть нашей душе, и приносящие ей богатство нерасхищаемое и небесное. Из них ценнейшее и первейшее всех дарение — это безошибочное и спасительное руководство в делах божественных, которое даруется первым и единственным — изучением и тайноводительством¹⁵ нашей чистой и непорочной христианской веры. Ибо оно, освобождая человека от всевозможных заблуждений и очищая от мрака их очи сердца, даёт возможность чистым зрением души в чистоте всматриваться в чистейшую красоту богослужения — чрез которое мы, возводимые к превышающей разум Сущности, Причине и Создателю всего, всматриваемся¹⁶, насколько возможно человеку, в единое и пребожественное Божество Троицы.

2. И вот, найдя твою благоразумную душу достойной столь великого дарения и подарка, — ибо мы убедились в твоей любви к добродетели и благочестию, — приветствуем тебя этим радушным и многоценным подношением. В нём мы, изложив священное и богомудрое учение нашей непорочной и чистой веры, <3> прилагаем рассказ о семи святых Вселенских Соборах, являющихся как бы некими оплотами

13 Письмо сохранилось в собрании писем св. Фотия. В древнейшей рукописи (Baroccianus gr. 217, IX в.) имеется заголовок: «Фотия, святейшего патриарха Константинопольского, из письма к Михаилу, архонту Булгарии: что есть дело архонта?» Данный титул заставляет предполагать, что в сборник было включено не полное письмо, а только отрывок из него.

14 Греч. *χαρίτες* с широким спектром значений: «красота; радость; благодаяние; награда; благодарность»; в Новом Завете — «благодать». Здесь Фотий называет так своё подношение, имеющее вид наставления в вере.

15 Греч. *μυσταγωγία* — букв. «введение в таинства». Так обычно в церковной традиции называлось учение о сокровенном смысле.

16 Греч. *ἐνσπρίζομεθα* — букв. «смотримся в зеркало».

и оградами¹⁷ сего божественного и православного учения, а равно и о том, что исправляет жизнь и свидетельствует о правильности веры, не умолчав вполне в этом ясном и кратком слове. Ибо пытаться говорить обо всём отначала было бы неблагоискусно, но и не сказать во все ничего — недобролюбиво¹⁸.

3. Нужно, чтобы добродетели были укоренены в вере, и серьёзный человек должен совершенствоваться и в том, и в другом¹⁹. Ибо правда догматов приводит к благообразию гражданской жизни²⁰, а чистота дел возвещает о божественности веры; из них одно без другого обычно легко утекает и уносится, не выдерживая обитания в душах людей порознь. Но об этом позже. Ныне же изложим тебе священное и богопрореченное²¹ изложение нашей святой веры.

[Символ веры]

4. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго

17 Греч. *χαρακὰς τινὰς καὶ περιβόλους*. Используется терминология военной фортификации: *харакс* — укрепления (ров и частокол) полевого лагеря, *перибол* — примыкающий к воротам коридор из двойных стен, простреливаемый с башен. В переводе иерод. Иуста (Драницына): «яко забрала и ограждения».

18 В греч. игра слов: *ἀπειρόκαλον* <...> *ἀφίλόκαλον*. Оба слова обыгрывают разные значения основы *καλός*: 1) красивый внешне, изящный, приятный; 2) красивый внутренне, добрый, нравственно совершенный.

19 Греч. *Δεῖ <...> δι' ἑμφοῖν τὸν σπουδαῖον καταρτίζεσθαι*.

20 Греч. *πολιτείας*. Труднопереводимый термин *политеία* обозначает общественно-значимое поведение на разных уровнях: от частной жизни гражданина до государственной деятельности (политики). В византийскую эпоху словосочетание *βίος καὶ πολιτεία* часто служило заглавием агиографических сочинений (по-русски «житие и хождение»), что подчёркивало социальный аспект жизни святых.

21 Греч. *θεόχρηστον* — редкое слово, образованное от *θεός*, «Бог» и *χράω*, «прорицать, возвещать». Встречается у Павсания, Филона и Дидима применительно к оракулам и пророчествам. Тем самым Фотий подчёркивает, что христианское учение основано на боговдохновенном тексте Священного Писания.

со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь²².

[О семи Вселенских Соборах]

5. Именно так мысля и веруя, согласно Преданию Святой соборной и апостольской Церкви Божией, о доброе украшение моих трудов²³, принимай и уважай семь святых Вселенских Соборов: одни в качестве наставников, а другие в качестве защитников благочестия²⁴. Ибо благодаря им изгоняется всякое новшество и ересь, а неповреждённое и издревле заповеданное суждение²⁵ утверждается <4> в душах благочестивых [людей] с несомненным благоговением. О них начинаю я рассказ, в кратком очерке сообщая, для удобства научения, о времени и месте, о количестве участников и руководителях каждого Собора, а также об их решениях.

6. Итак, Первый и Вселенский святой Собор был созван в Никее, что в Вифинии; триста восемнадцать архиереев Божиих, собравшись вместе, принялись рассудить об истине²⁶. Во главе их были: Александр, получивший в управление архиерейский престол Константинополя, муж, почитаемый за глубокую седину и такое же разумение, светлостью жития, святостью мыслей и строгостью веры стяжавший к Божеству великое дерзновение²⁷; а кроме того, Сильвестр и Юлий, знаменитые и прославленные епископы Римской Церкви, хотя ни тот, ни другой

22 Никео-Цареградский Символ веры.

23 Греч. ἡγούμα, «украшение, краса, изваяние». Так Фотий называет Михаила как своего крёстного сына. Ср. схожее обращение в конце послания: «о благородное и истинное порождение моих духовных мук рождения».

24 Под благочестием (εὐσεβεία) в византийской традиции понимается прежде всего верность православию.

25 Греч. ἀρχαιοπαράδοτον φρόνημα.

26 Первый Вселенский Собор, традиционно именуемый «Собором 318 отцов», состоялся в Никее, в римской провинции Вифиния, в 325 г.

27 Александр, епископ города Византия (314–337, с 330 — Константинополя). Несмотря на то, что Никейский Собор проходил до основания Константинополя, и епископ Византия, незначительного городка, не играл на нём выдающейся роли, Фотий именно с него начинает перечисление руководителей Собора, следуя концепции «пентархии»

и не присутствовали, послав вместо себя, в соответствии со временем первосвященства каждого, присутствовать на общем собрании Витона и Викентия, мужей, чтивших добродетель и призванных к пресвитерскому сану²⁸. К ним был сопричислен и епископ Кордубский, который во время языческих гонений доказал истинность своего имени: ибо, нареченный Осием, сохранил он своё исповедание веры чистым от идольского служения²⁹. Разумеется, присутствовал там и Александр Александрийский, лично отличившийся святыми делами; он привёз как своего соратника Афанасия, который в то время начальствовал над диаконским чином, а немногим позже стал преемником Александра на епископской кафедре³⁰. Да и прославленный Евстафий присутствовал, украшение Антиохийской Церкви, сиявший чистотой веры и вызывавший восхищение разумной благоразумностью речей и рассуждений³¹. Среди них был и Макарий Иерусалимский, цветущий многими видами добродетелей³²; и многие другие епископы, блиставшие апостольскими дарованиями и исповедническими страданиями: благи́ми и дивными предстоятелями сего благого и дивного сонма признавались Пафнутий, Спиридон, Иаков и Максим³³. Рядом со всеми ними выделялся великий и достославный Константин, <5> правивший скипетрами римской власти, который и собирал этот Собор, и своим присутствием делал его ещё более блистательным³⁴.

7. Из столь многих и великих [людей] состояло это священное собрание, налагая кары на некоего Ария за нововведение нечестия и утверж-

(пяти главных «патриархатов вселенной»: Рим, Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим). При этом Рим, характерным образом, отодвинут на второй план.

- 28 В византийской средневековой традиции считалось, что римский папа Сильвестр (314–335) скончался во время Никейского Собора, а его преемником стал Юлий, в действительности правивший намного позже (337–352). Представителями Римской Церкви на Никейском Соборе были пресвитеры Викентий и Витон.
- 29 Осий, епископ Кордубы (совр. Кордова в Испании), прославившийся как исповедник в период гонений, доверенное лицо императора Константина, был, наряду с Александром Александрийским, главным деятелем Никейского Собора. Фотий обыгрывает его имя (греч. ὀσιος, «праведный, священный, преподобный»).
- 30 Александр, архиепископ Александрийский в 313–328 гг., и Афанасий Великий, его преемник в 328–336 гг. (во время Собора был архидиаконом).
- 31 Евстафий, епископ Антиохийский (324–330/332).
- 32 Макарий, епископ Иерусалимский (314–333).
- 33 Мученики Пафнутий Фиваидский, Спиридон Тримифунтский, Иаков Нисибинский, Максим Иерусалимский.
- 34 Император Константин Великий, с 306 г. правивший на Западе, а в 324–337 гг. объединивший под своей властью всю Римскую империю.

дая апостольское и божественное исповедание. Сей несчастный был родом из Александрии: избранный там в церковный клир и дошедший до степени пресвитера, он сперва возымел пренебрежительное мнение о собственном пастыре³⁵, а затем простёр безумие и на всеобщего Пастыря и Владыку³⁶. Ведь Сына и Слово Божие стал он низводить (о дерзость языка и мысли!) к творению и созданию, не желая признавать даже того разделяемого всеми и самоочевидного положения, что Сын имеет всецело ту же самую сущность и природу с Родившим, и что причисляющий Сына к творениям тем самым уже объявил творением и Отца; как и напротив, тот, кто признаёт, что Отец по сущности есть Творец, а природа Его вечна, тем самым исповедует, что и Сын имеет ту же самую сущность и природу. Ибо в чём тогда была бы подлинность Его сыновства, если бы Отец имел одну сущность, а Сын — другую? И как избежать тогда заблуждений языческого многобожия, если Божество будет рассекаться на меньшую и большую сущности, и одна будет относиться к первому Богу, создателю и старшему, а другая — определяться для второго бога, подчинённого и младшего? Ведь именно таковы порождения и следствия злого семени, посеянного Арием.

Но священный Собор лишил его священства, как ополчившего богохульные уста против Создателя, а его нечестивейшую и богоборческую ересь предал анафеме. Сына же и Слово Божие, обсудив священное, согласно с божественными речениями и общими догматами благочестивых, ясно определили как единосущного, единоприродного и совечного родившему Отцу и имеющего ту же власть и господство, верно узрев и усмотрев, что как сводить Троическую монархию и господство к одному Лицу — [учение] иудейское и христоненавистное, так и разделять сверхсущностное, сверхприродное и единое³⁷ Божество на неравные природы и неподобные сущности представляет собой [учение] языческое и многобожное.

Вот что [касается] святого и Вселенского Первого Собора.

9. Второй же святой Вселенский Собор являл священным местом размышлений о священных вопросах <6> царственный град Константинополь³⁸: [здесь] собрались до ста пятидесяти священных мужей под

35 Арий вступил в конфликт со своим епископом Александром Александрийским, обвинив его в ереси.

36 Учение Ария принижало божественность Христа, объявляя Сына Божия «сотворённым из небытия».

37 Греч. τὴν ὑπερούσιον καὶ ὑπερφύη καὶ ἐνιαίαν θεότητα.

38 Второй Вселенский Собор состоялся в Константинополе в 381 г.

началом Тимофея Александрийского³⁹, досточудного Мелетия Антиохийского⁴⁰ и Кирилла Иерусалимского⁴¹, правивших архиерейскими престолами; также и Нектарий, который, лишь недавно отделённый от стада оглашенных и омытый божественной баней от скверны житейской, уже чистый облачается в чистейшее достоинство священноначалия, общим решением Собора и рукоположением избранных, и нарёкся вместе и епископом царственного града, и руководителем Собора⁴²; с ними и Григорий, епископ Ниссы, что в Каппадокии, и его соименник, за свои труды наречённый Богословом⁴³. В их числе недолго спустя стал признаваться и державшийся тех же взглядов Дамас Римский, пребывавший с вышеперечисленными в согласии⁴⁴.

9. И вот сей священноначальный хор⁴⁵ счёл справедливым предать наказаниям некоего Македония, ранее совершившего захват престола Константинополя, за то, что он хулил Пресвятого и Живоначального Духа⁴⁶. Ибо как Арий против Сына, так и этот, восставая против Пресвятого Духа, низводил Его владычное и верховное господство до положения раба и служителя. Хотя сей злосчастный, если бы действительно захотел, легко мог бы узреть, что, как те, кто ставят Сына в разряд твари, наносят ничем не меньшее оскорбление и Отцу, так же изрыгают равную и подобную хулу на Него и причисляющие к созданиям Пресвятого Духа. Ведь если Дух — творение, то и Тот, Чей есть Дух, — среди творений. Если же даже слышать это крайнее выражение безбожия невыносимо, то как сей окаянный не сумел избежать того, через что неизбежно впасть в богоборческие рассуждения? Ты отрицаешь, что Дух есть Бог? Как же Он *проникает и глубины Божию*⁴⁷, и ничто не сокрыто от Него? Почему Он — *иной Утешитель*⁴⁸? Почему

39 Тимофей I, архиепископ Александрийский (380–384).

40 Мелетий, архиепископ Антиохийский (360–381).

41 Кирилл, епископ Иерусалимский (350–386).

42 Нектарий, архиепископ Константинопольский (381–397). На момент избрания на стольничную кафедру он не был крещён (по обычаю римской аристократии того времени, откладывая крещение до смертного одра).

43 Свт. Григорий Нисский и Григорий Богослов Назианзин.

44 Папа Римский Дамас (366–384) не присутствовал на Константинопольском Соборе ни лично, ни в лице представителей; однако вскоре Римская Церковь признала авторитет Второго Собора как Вселенского.

45 Греч. ὁ ἱεροφάντης χορός. Фотий использует античную метафору.

46 Лидер пневматомахов Македоний I, епископ Константинополя (342–360, с перерывом).

47 1 Кор. 2, 10.

48 Ин. 14, 16.

сопричисляется к Отцу и Сыну? Ибо Сам Сын говорит: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа»⁴⁹. Если нечто одно из Трёх, в Коих мы просвещаемся [в крещении], есть творение, мы и прочее не сохраним чистым от <7> похуления. Но если Он — творение, как [Сам] творит? Как освящает? Как животворит? Как распределяет дары благодати? Как [может быть] Богом?

Но сей умопомрачённый, ничто из этого не приняв во внимание, дерзал и осмеливался отторгать Его от единоначального, единого и нераздельного Божества. Потому и получили достойное нечестия возмездие и сам он, наказанный лишением священства, и все те, кто разжигали неизлечимую пагубу его богоборчества. И как он неистовствовал, отчуждая Пресвятого Духа от триединого Божества и Господства, так и его самого святой Вселенский Собор сделал чуждым и священства, и участия в общении верных, как второго Ария. А о Пресвятом животворящем Духе Собор, в соответствии с отеческими и богословесными⁵⁰ изречениями, провозвестил, что Он, как единоприродный и единосущный, равносильный и всемогущественный, *со Отцем и Сыном споклоняется и славится*⁵¹, совершенно искоренив и какие бы то ни было плевелы, восходившие от Ариева семени. Браздами же правления в то время был препоясан поистине великий и достойный великой хвалы Феодосий, который и сам был известен как поборник благочестия⁵².

В этом [состоял] и этот святой Собор.

10. Третий же святой Вселенский Собор был собран в Эфесе, что в [провинции] Азия, и состоял из двухсот [участников]⁵³. Руководителями у них признавались знаменитый среди отцов Кирилл, который, управляя добродетелью и богатством мудрости престолом великого града Александра, представлял также кафедру и лицо Келестина Римского⁵⁴; были среди них и Мемнон, которому было вверено кормило Эфесской кафедры⁵⁵, и Ювеналий Иерусалимский⁵⁶. Они вместе

49 Мф. 28, 19.

50 Греч. θεολογικὰς φωνάς — в смысле изречений Самого Бога Слова.

51 См. Никео-Цареградский Символ веры.

52 Феодосий I Великий (император в 379–395).

53 Третий Вселенский Собор состоялся в Эфесе в 431 г.

54 Кирилл, архиепископ Александрийский (412–444), официально представлял в Эфесе и папу Целестина (422–432).

55 Мемнон, митрополит Эфесский, был главным сторонником Кирилла Александрийского.

56 Ювеналий, епископ Иерусалимский (422–458).

со всей полнотой Собора подвергали взысканиям нечестивого Нестория за его отступление от благочестия. Уроженец града Антиоха на Оронте, он получил неблагочестно Константинопольскую кафедру⁵⁷; но, напившись мутных струй нечестия от Диодора и Феодора⁵⁸ и впад в опьянение рассудка, сей злосчастный изbleвал в уши многих безумные и неуместные речи на погибель паствы. Ибо Христа — единого Сына, истинного Бога нашего, Который ради нас и нашего ради спасения, приобщившись такой же, как у нас, плоти и крови <8> и ипостасно приняв на Себя наше смешение⁵⁹, сделался⁶⁰ Единым из двух противоположностей, будучи Сам Богом и человеком, единым Христом, одним и тем же единым Сыном, свыше от Отца без матери и долу от Матери без отца, тем же самым и не иным, единым Лицом, одной ипостасью, — сего-то единого Господа нашего Иисуса Христа не побоявшись рассечь и разделить на две ипостаси, сей треклятый стал измышлять, с одной стороны, простого человека, без воспринявшего его Слова, в собственной ипостаси, а с другой — отдельно Бога, не имеющего воспринятой [плоти]; безумный будто бы убоился, как бы Бог не претерпел чего-либо, облекшись из неизреченного милосердия в собственное создание для исцеления и восстановления образа⁶¹, — не уразумев, что для тех, чью человеческую природу он разлучал с ипостасью Слова, он объявлял её неисцелимой и неизлечимой и становился отрицающим своё собственное спасение. Но более того, совершенно извратив от этого свои помыслы, он даже не допускал Матери Его по плоти, Пресвятой Деве, подлинно и истинно родившей Бога Слово воплощённое, называться Богородицей, но как Сына лишал Божества, так и у Родившей Его отнимал именование Богородицы.

11. Посему за столь великое безумие и богохульный язык собрание блаженных отцов справедливо лишило его священства и предало, вместе с его гнуснейшими измышлениями, вечной анафеме. Утвердив, согласно с преданием отцов и благочестно, догмат поклоняться

57 Несторий был патриархом Константинопольским в 428–431 гг.

58 Диодор Тарсский и Феодор Мопсуэстийский, на чьи богословские идеи опирался Несторий.

59 Греч. τὸ ἡμέτερον ὑποσθησάμενος φύραμα. Здесь φύραμα (букв. «тесто, замес, смешение элементов») метонимически обозначает плотскую природу человека, а причастие от глагола ὑφίσταμαι указывает на ипостасное единство двух природ Богочеловека.

60 Греч. ἐχρημάτισε.

61 Греч. εἰς <...> ἀνάπλασιν.

Господу нашему Иисусу Христу и исповедовать Его в единой и той же самой ипостаси, они сообразно заповедали и Пречистую Его приснодевственную Мать называть и восхвалять как Богородицу в собственном и истинном смысле⁶². Ибо тем, для кого Она родила благоволившего родиться по плоти Бога Слова, справедливо прославлять и именовать Её Богородицей. Но после этого и этот Собор подошёл к концу — в те времена, когда Римское государство безмятежными взорами созерцало Феодосия Младшего, воспринявшего отеческую и царскую власть в третьем колене⁶³.

12. Четвёртый же святой Вселенский Собор, имея соприсутствующим и согласно мыслящим благочестивейшего в василевсах Маркиана⁶⁴, освятил как училище⁶⁵ истинных догматов Халкидон⁶⁶, славный город Вифинии; число же [собравшихся] доходило до шестисот тридцати⁶⁷. <9> Его выдающимися мужами являлись Анатолий, коему были вверены архиерейские установления царственного града⁶⁸, а равно Пасхазин и Лукинсий, наделённые епископским достоинством, вместе с пресвитером Вонифатием⁶⁹ представлявшие Льва, святейшего папу Римского⁷⁰, коего слава была велика, а ревность о благочестии обильна; среди них [были] и Максим Антиохийский⁷¹, и Ювеналий Иерусалимский.

Они потребовали отчёта от злополучного Евтиха⁷² и его защитника, неистового Диоскора⁷³, за их нечестия. Ведь эти двое, усвоив заблуждение, противоположное Несторию, впали в подобное ему бедствие. Ибо Господа нашего Иисуса Христа, познаваемого из Божества и человечества и поклоняемого в этих двух природах, они дерзновенно

62 Несторий и его сторонники допускали именовании Богородицы только в переносном смысле.

63 Феодосий II Младший (император в 408–450) был третьим представителем династии Феодосия Великого.

64 Маркиан (император в 450–457), инициатор и активный участник IV Вселенского Собора.

65 Греч. ἀκροατήριον, аналог латинского auditorium. В позднеантичное время так именовался т. н. Константинопольский университет.

66 Букв. Калхидон (греч. Καλχιδὼν) — архаизированный вариант названия Халкидона.

67 Четвёртый Вселенский Собор состоялся в Халкидоне в 451 г.

68 Анатолий, архиепископ Константинопольский (449–458).

69 Епископы Пасхазин Лилибейский и Луценций Аскульский.

70 Папа св. Лев I Великий (440–461).

71 Максим, архиепископ Антиохийский (451–455).

72 В греческом тексте обыгрывается имя родоначальника монофизитства архимандрита Евтиха (Εὐτυχῆς — букв. «счастливый, благополучный»).

73 Диоскор, архиепископ Александрийский (444–451).

и безумно смешивали и сливали в единую природу; и не понимали, жалкие, что такими умозаключениями отчуждают они Его и от Отчей сущности, и от человечества. Ведь если во Христе одна природа, то она будет либо всецело божественной, либо всецело человеческой. Но если она только божественная, то где человеческое? Если же человеческая, разве не отрицают они Божество? Если же это нечто отличное от того и другого (ибо остаётся только это, и именно к этому особенно клонится их мысль), разве Христос не будет у них измышляться иноприродным⁷⁴ и Отцу, и нам? Что было бы нечестивее или безумнее, чем утверждать, что Слово Божие и Бог стало человеком с повреждением Своего Божества и с уничтожением воспринятого человечества? А ведь именно это следует в любом случае у дерзающих говорить, что Христос — не той и не другой природы, но иной, от них отличной.

13. Потому и изобретатели этих христорборческих догматов, получив достойную столь великого нечестия кару, лишены были священного сана и преданы анафеме от всей Церкви, исторгшей вместе с ними и эту христорборческую ересь. Провозглашено же было и воссияло правое и неповреждённое понимание православной веры, ещё более подтверждённое свидетельствами из Писания и творений отцов, когда триблаженные архиереи торжественно вынесли богословское определение и заповедали единого Христа, то есть единую Его ипостась и две природы — Божество и человечество, созерцаемые неслиянно и нераздельно, исповедовать и провозглашать во всех концах вселенной. Отсюда ясно, <10> что, когда у хромых исправлялись ноги, и у слепых прозябала глазная болезнь, и мёртвые оттаскивались от врат ада и возвращались к жизни, и совершались и являлись другие божественные знамения, которые нелегко и перечислить, [тогда] явственно показывалось достоинство Божественной природы. Когда же происходило изнеможение, усталость, жажда, голод и прочее сродное и подобное, тогда проявлялось свойство человеческой сущности. Совершив и сделав как то, подобающее Богу, так и это, подобающее человеку, тот же самый Христос, истинный Бог наш, совершив то и другое, ясно и неопровержимым образом представил и удостоверил одну и единую Его ипостась и две различные природы в неслиянном единстве.

В этом [состояли деяния] Четвёртого Собора.

74 Греч. ἑτερόφυος. Речь, по-видимому, идёт об учении Севира о единой сложной природе Христа.

14. Пятый же святой Вселенский Собор имел в качестве священного удела сам великий град Константина и был утверждён присутствием и собранием ста шестидесяти пяти богоносных отцов⁷⁵. Среди них главенствовали и блистали вначале Мина, а затем Евтихий, преемственно окормлявшие архиерейскими кормилами сей царственный град⁷⁶; и Вигилий, получивший священноначалие в Риме⁷⁷, бывший в Городе, хотя и не присутствовавший на Соборе⁷⁸; хотя он и не пожелал предстать в собрании священного сонма, однако ничуть не менее одобрял общую веру отцов письменно⁷⁹. С ними и Аполлинарий Александрийский, и Домн Антиохийский, украшенные архиерейским достоинством, а также Дидим и Евагрий, занимавшие место Иерусалимского архиерея Евстохия⁸⁰. В то время сильнейший в василевсах Юстиниан держал в руках попечение о Римской державе и присоединял свой голос к церковному суждению⁸¹.

Сей-то святой Вселенский Собор окончательно истребил вновь начавшие прорастать скверные догматы Нестория, вместе с этим самым сеятелем плевелов; а с ним и Феодора с Диодором, из которых второй епископствовал в городе Тарсе, а первый в Мопсуэстии, <11> прежде Нестория мучившихся той же ересью и оставивших в писаниях блудодейственные и уродливые порождения блудливого суждения⁸². Ещё же осудили и анафематствовали Оригена, Дидима и Евагрия, застарелые недуги верных, мужей, попытавшихся в своё время привнести в Церковь Божию языческое баснословие⁸³. Ибо суесловили

75 Пятый Вселенский Собор состоялся в Константинополе 553 г.

76 Константинопольские патриархи Мина (536–552) и Евтихий (552–565, 577–582).

77 Греч. ὁ τῆς Ῥώμης τὴν ἱεράν λαχὼν ἐφορεία. — Термин «эфория» от глагола ἐφοράω, «присматривать, надзирать», близкий к греч. ἐπισκοπεῖν, нередко использовался как риторическое обозначение епископства.

78 Папа Римский Вигилий (537–555) прибыл в Константинополь, но в соборных заседаниях участвовать отказался, опасаясь протестов западных епископов, подозревавших Собор в «реабилитации» монофизитства.

79 Греч. λιβέλλω; имеется в виду так называемый «Constitutum» Вигилия, подтвердивший все деяния Пятого Собора.

80 Патриархи Аполлинарий Александрийский (551–568), Домн III Антиохийский (545–559) и Евстохий Иерусалимский (552–563).

81 Император Юстиниан I Великий (527–565).

82 В оригинале обыгрывается медицинская семантика: «страдавшие родовыми муками» (ὠδίνοντες) ереси, они оставили «незаконнорождённых выродков» (νόθα καὶ ἑκφυλά κυήματα). — На V Вселенском Соборе Феодор Мопсуэстийский был осуждён лично, а Диодор Тарсийский — через анафематствование его учения (без упоминания имени).

83 Букв. «эллинскую мифологию».

они о том, что души существуют прежде тел и одна и та же облачается во многие тела: мнение скверное и достойное оплевания, достойное, по правде говоря, только их собственных душ. Предполагали они и конец бесконечному мучению: ещё одно побуждение ко всяческому греху и гибели; и злым демонам предоставляли первоначальное достоинство, воображая, что те снова взойдут в ту вышнюю славу, из которой некогда пали. Кроме того, не угодно им было, что тела воскреснут вместе с душами, но восстанавливали они их лишёнными тел; не понимаю, что же они называли воскресением, раз воскресение касается павшего и умершего, но вовсе не состоящего в вечности и пребывающего в нетлении, какова именно и есть душа. Не постыдились эти окаянные даже того, в сколь великой несправедливости обвиняют они своим вздором Праведного Судью: ведь разве не свидетельствуют они о Его величайшем неправосудии, богохульно заявляя, что телá, разделившие с душами подвиги добродетельных трудов, Он лишает общих наград, а соучаствовавшие в грехе общей целью и действием, напротив, оставляет без наказания — одни только души, без действовавших с ними тел, либо присуждая к сугубому возмездию, либо удостоивая сугубой награды?

15. Но не только подобного рода богохульства отверг сей священный хор отцов, но и перед этим, немного ранее, низложил и анафематствовал Анфима Трапезундского, который возгревал мнение Евтихия, Севира, Петра Апамейского и Зоору, и всё это дурное и многоглавое рассеяние и сборище, причём особое усердие в этом благом деянии выказал Агапит Римский, а совместно с ним решали и действовали упомянутые именитые архиереи, коими руководили славный Ефремий (тот, что из града Антиоха) и священный Пётр Иерусалимский⁸⁴.

Итак, <12> всех их объявив отлучёнными и извергнув, божественное собрание архиереев укрепило и утвердило безошибочные и божественные догматы Кафолической и Апостольской Церкви. В этом состояли [деяния] пятого Вселенского Собора.

84 Речь идёт о Константинопольском Соборе 536 г., который под председательством прибывшего из Рима папы Агапита (535–536) низложил за симпатии к монофизитам константинопольского патриарха Анфима Трапезундского (535–536) и анафематствовал лидеров антихалкидонской партии Севира, Петра Апамейского и монаха Зоору. В византийской традиции Соборы 536 и 553 гг. представлялись как тесно связанные этапы одного процесса — борьбы с христологическими ересьями.

16. Святой Вселенский Шестой Собор также в царице городов утвердил священное место созерцания таинственных умозрений истины⁸⁵ и явил посредством подвизавшихся в борьбе ста семидесяти богоносных мужей блистательную победу благочестия⁸⁶. Предводителями его, достойными упасать других, считались Георгий, ко- ему вверено было архиерейское установление царственного града, а также Феодор и Георгий, избранные в пресвитерский сан, кото- рые вместе с диаконом Иоанном вместо святейшего папы Римско- го Агафона числились в ряду руководителей; престол же великого града Александра представлял монах Пётр; с ними монах и пресви- тер Георгий высказывался от имени архиерейской степени Иеруса- лимской кафедры⁸⁷.

Именно они, вместе с прочими священными и святыми отца- ми, подвергли справедливому осуждению Сергия, Пирра и Павла, на- чальствовавших в Константинополе, Онория Римского, Кира Алек- сандрийского и Феодора Фаранского, разорвав переплетённую цепь лжи, а также Макария Антиохийского вместе с учеником ереси Сте- фаном и неким жалким старцем по имени Полихроний, приставших к ним и старавшихся защищать их нечестие⁸⁸. Так как дерзали они в нечестивом и безумном воззрении представлять у Христа, истинно- го Бога нашего, появившегося из двух природ⁸⁹, одно воление и одно действие. И даже не помыслили эти безрассудные — хотя это вполне легко и несложно понять, — что не могут быть одним и тем же дей- ствием исцеление властью хромого — и утруждение от пути⁹⁰; возвра- щение зрения слепым — и смешивание пальцами земли со слюной,

85 В оригинале обыгрывается торжественно-театральная семантика: τὸν μυστικὸν τῆς ἀλη- θείας θεαμάτων τὸ ἱερὸν ἐπλήγυντο θέατρον.

86 Шестой Вселенский Собор проходил в Константинополе в 680–681 гг.

87 Участники Шестого Собора: Георгий I Константинопольский (679–686), представители папы Агафона (678–681) Феодор, Георгий и Иоанн, а также представители Александрийской кафедры Пётр (впоследствии патриарх) и Иерусалимской — Георгий. Антиохийский па- триарх Макарий, отстаивавший монофелитство, был главным обвиняемым.

88 Перечислены осуждённые Собором сторонники учения об одной воле во Христе (мо- нофелитства): Константинопольские патриархи Сергий I (610–638), Пирр I (638–641, 655), Павел II (641–654), Римский папа Гонорий (625–638), Александрийский патриарх Кир (631–642) и его современник епископ Феодор Фаранский, а также присутствова- шие на Соборе патриарх Антиохийский Макарий (655–681) и его ученики монахи Сте- фан и Полихроний.

89 Греч. τοῦ ἐκ δύο πνευμάτων φύσεων.

90 См. Ин. 4, 6.

дабы сделать брение и приложить к глазам⁹¹; воскрешение мёртвого — и слёзы о покойном⁹²; и никак нельзя одному и тому же волеию просить, чтобы чаша смерти миновала⁹³ и, с другой стороны, призывать на Себя славу и <13> желать того, чего хотеть невозможно⁹⁴. И как они не заметили, что этим ещё и отрицают разделение природ? Ведь всякая природа — источник действия, и именно благодаря различным действиям взаимно разделяются природные воли; и если, согласно их заблуждению, действие одно и воля одна, тогда и природа, из которых это, непременно одна; если же природы две (ибо они всё-таки не впали в это безумие, видя воочию рассеяние и погибель его начальников), разве не будет каждая источником собственного действия и воли?

Но они, ничего не посчитав ценнее собственного богохульного мнения, вместе с ним были преданы вечной анафеме; а собрание богоносных отцов, вынеся священное определение о двух природных волях и двух действиях у единого Христа, Бога нашего, православно заповедало находящимся повсюду Церквам исповедовать и возвещать двоякость как природ, так и действий и волений. В то время Константин, правнук Ираклия⁹⁵, держал полученный по преемству от деда царский жребий, заступаясь за правое суждение Церкви и во всём прочем способствуя Собору.

В этом [состояли деяния] Шестого [Собора].

17. Седьмой же святой Вселенский Собор вновь явил местом суждения о благочестии Никею, митрополию вифинцев, некогда уже бывшую местом суждения о правых догматах, простираясь численностью до трёхсот шестидесяти семи священных мужей и выставив начальниками и предводителями их священной и великой фаланги Тарасия, прославленного среди архиереев Божиих (то был муж божественный и предбродетельный, как никто другой достойный стоять у архиерейского кормила царственного града), и Петра, досточтимейшего⁹⁶ протопресвитера святой Римской Церкви, и другого Петра, тоже пресвитера и игумена тамошнего монастыря Святого Саввы, которые представляли апостольскую кафедру, украшавшуюся тогда

91 См. Ин. 9, 6.

92 См. Ин. 11, 35.

93 См. Мф. 26, 39.

94 См. Ин. 17, 4–5.

95 Константин IV (император в 668–685).

96 Греч. ἐὺλαβέστατος — византийский титул низшего духовенства.

в архиерейском достоинстве Адрианом⁹⁷; а вместе с ними — Иоанна и Фому, мужей, славившихся монашеским жительство⁹⁸ и сиявших священническим саном, местоблюстителей апостольских и великих престолов всего Восточного диоцеза и представителей архиереев, а именно: Аполлинария, Феодорита и Илию, из которых первый <14> достойно и премудро предстоятельствова⁹⁹ в Александрии, второй — в Антиохии, а третий — в Иерусалиме⁹⁹. В то время Константин и Ирина, красовавшиеся в венце православия, носили императорскую порфиру Римской державы¹⁰⁰.

И вот этот святой великий Собор осудил богоизбранным и всеобщим решением новоявленную и варварскую ересь, введённую мужами нечестивыми и безбожными, подвергнув тому же осуждению её зачинщиков и поборников. Ибо эти злосчастные, на словах не признаваясь в хуле на Христа, истинного Бога нашего, делами задумали всяческое поношение, богохульство и бесчинство против Него. Не дерзнув оскорблять Его Самого непосредственно и без какого-либо прикрытия, они исполнили всё своё христорборческое намерение на Его честном образе. Ведь они, обзывая идолом (о, голос наглого и безбожного языка и ума!) чтимую икону Христову, коей изгоняется идольское заблуждение, и нанося ей всяческие оскорбления, попирали ногами на площадях и улицах, волокли по земле, предавали огню: зрелище для христиан скорбное и достойное лишь христорборчества язычников! Такое же поругание совершали они и над прочими священными изображениями скорыми на кровопролитие ногами, на душегубства — руками и на скверну — устами; и никак не могли насытиться злодеи в своём безумии и неистовстве, но в ненависти оплёвывали священные христианские символы и изображения, словно языческую мерзость, и даже хуже. Тем самым развязали они и усилили непримиримую войну против Христа и Его святых. Ведь всем ясно, что почитание изображений становится почитанием изображённого, и непочтение к ним так же переходит на изображённое. Но эти новые порождения христорборцев-иудеев восполнили упущение своих предков тем, что стали оскорблять честной образ Христов

97 Папа Адриан I (772–795).

98 Греч. μοναδική πολιτεία.

99 Монахи Иоанн и Фома являлись на Седьмом Соборе представителями всех патриархов Православного Востока: Политиана (а не Аполлинария) Александрийского, Феодорита Антиохийского и Илии III Иерусалимского.

100 Константин VI (император в 780–797) и его мать Ирина.

и Его святых, уклоняясь в дерзость иудеев и стараясь изо всех сил превзойти этих прародителей своих в этой дерзости. Но, не смея среди христиан во всеуслышание отречься от Христа, оказывались они отступниками от самого этого иудейского и «отеческого» <15> рвення и являющими себя лишь мнимыми их подражателями, а вовсе не стойкими сторонниками, но, словно оглушённые злом этой ереси, они разрывались и метались то туда, то сюда. Ведь, с одной стороны, называя себя христианами, они рыкали на Христа, а с другой — не принимая имени иудеев, состязались с их христорством и даже превзошли его благодаря иконоборчеству. Более того, отвергая само понятие идолослужения, они оказались ничем не лучше идолопоклонников в отношении самих христиан и божественных и непорочных христианских таинств.

Потому всех тех, кто не пожелал отказаться от низости¹⁰¹ этого блудного и путаного мнения, святой Вселенский Собор, связав нерушимыми узами анафемы, осудил как незаконнорождённых и чуждых благородства верных; а образу Христа, истинного Бога нашего, единогласно принял и утвердил оказывать почитание и поклоняться с честью и благоговением пред Изображённым, согласно с древним апостольским и святоотеческим преданием и гласом священных изречений, а именно: воздавая поклонение и честь иконе тем же образом, что мы воздаём и другим священным изображениям и символам нашего святейшего служения: ибо мы не останавливаем и не замыкаем почёт и поклонение на них самих, не отстраняемся к иному рода отличным целям, но, благодаря ясному различению и разделению служения и поклонения им, приличествующим образом и неотделимо возводим себя к Самому неразделимому Божеству, единовидному и единотворящему¹⁰².

18. Так же мы поклоняемся и честному Кресту, на котором было распростёрто тело Владыки и излилась очищающая мир кровь: и естество древа, напоённое этими потоками, произрастило вместо смерти непреходящую жизнь. Так же мы поклоняемся и образу Креста, которым прогоняются полки демонов и исцеляются различные недуги, поскольку благодать и сила, однажды подействовавшая в первообразе, доходит с подобным действием и до этих образов. Итак, освящая

101 Греч. *δυσγένεια* — букв. «низкое происхождение». Далее обыгрывается семантика незаконнорождённости и благородства.

102 Греч. *ἐνοεῖδῃ καὶ ἐνοποῖον θεοῖότηα*.

одинаковым почитанием и поклонением каждое из вышеперечисленных, <16> то есть икону Христа, и сам Крест, и изображение Креста, мы не ими ограничиваем почёт и благоговение, но возносим и посвящаем его Тому, Кто ради нас воплотился по неописуемому преизбытку человеколюбия и добровольно претерпел за нас позорнейшую смерть. Точно так же мы с верой поклоняемся и храмам святых, и их гробницам, и мощам, источающим исцеления верным, величая и восхваляя прославившего их Христа, Бога нашего. И если что-то подобное содержат в себе наши святые таинственные обряды, благодаря действующему в них благодатному дару, тогда мы узнаём и прославляем первоначальную причину этого дара.

Потому сей святой сход блаженных отцов, исполненный благодати Божией, единогласно определил и утвердил повеление — почтительно поклоняться не только иконе Христа, как мы уже сказали выше, но и священным образам Пречистой Приснодевы Владычицы нашей Богородицы, и иконам всех святых, в соответствии с почитанием и подвигом изображённых. Ибо через эти образы мы возводимся к некоему сводящему воедино умосозерцанию и удостоиваемся божественного и сверхъестественного соприкосновения с Тем, Кто является для нас пределом всех стремлений. Это мудро и богоугодно прошедший [Собор] определил, а всякий еретический недуг и всякое безобразие прогнал от разумного стада и явил Церковь вновь облекшейся в подобающую ей убранство и красоту, поставив, словно невесту, не в золотом шитье, но в украшении из священных икон одесную Жениха-Христа, и предоставил ей красоваться и сиять перед радостными очами всей полноты верных.

19. Таково чистое и безукоризненное исповедание нашей христианской веры; таково исполненное богомудрое тайноводительство в нашем непорочном и подлинном служении и в его честных таинствах; в согласии с ним мысля, веруя и проводя жизнь¹⁰³ до заката, мы устремляемся к восходу умопостигаемого Солнца, чтобы явственнее и совершеннее насладиться его неугасающим сиянием. Подобаает, дабы и ваш богохранимый разум, <17> уже вникающий в наше достояние правильного исповедания веры, с любовью и искренней, неколебимой верой усердно принял это исповедание и наставление и уже не уклонялся от него ни вправо, ни влево даже в малом. Ибо это — проповедь апостолов, это — учение отцов, это — суждение Вселенских Соборов.

103 Греч. πολιτεύομενοι.

Посему должно тебе не только самому мыслить и полагать¹⁰⁴ именно таким образом, но и вести подчинённых тебе к принятию истины и направлять к той же вере, и ничего не считать важнее этого попечения. Ибо поистине, долг правителя не только заботиться о собственном спасении, но и удостаивать равной заботы вверенный ему народ, вести их к тому же богопознанию и призывать к совершенству. Так не обмани наших надежд, которые возбудила в нас твоя склонность к добру и благопослушность; и не выстави тщетными труды и подвиги, которые мы с радостью понесли ради вашего спасения; и не покажи себя сперва охотно принимающим слова божественной проповеди, а затем обратившим готовность в легкомыслие: но пусть конец будет подобен началу, пусть образ жизни¹⁰⁵ согласуется с верой; давая возможность народу и отечеству своему видеть и называть свою власть общим благом, оберегай неизгладимым моё веселие и ликование о тебе!

20. Впрочем, посмотри, возлюбленный во Христе духовный сын наш — и если есть какое-либо иное славное, доброе и достойное отеческой любви именование, [прилагаю и его], — посмотри, сколь сильно ополчался враг против правого и единственно истинного христианского исповедания веры, измышляя различные ереси, мятежи, нападения и даже войны. Заметь и то, что правое исповедание веры опровергло все эти нападки и воздвигло блистательные памятники этим победам. Но не удивляйся этому огромному количеству нападков и злых умыслов против православной веры. Ведь, во-первых, если бы на правое исповедание веры не было совершено ни одного нападения, она не стала бы столь крепкой и славной в своих победах; а во-вторых, легко видеть, что где против лукавого сильнее идёт борьба, там он сам усерднее пускает стрелы своего коварства <18> и устраивает различные заставы. Ведь у других народов, где нет против него никакой серьёзной войны, и сам он поэтому не ополчается на них. А поскольку носящие имя Христово люди Божии, *народ святой, царственное священство*¹⁰⁶, ежедневно, укрепляясь верой, мужественно противостоят его порочным делам и затеям, из-за этого и он тысячами умыслов и всеми способами исхитряется сбить с ног хотя бы некоторых и борется, чтобы огорчить Церковь Христову, хотя эти его лукавые старания обращаются для него позором.

104 Греч. δοξάζειν, которое объединяет значения «думать, полагать, считать» и «славить».

105 Греч. τὴν πολιτείαν.

106 1 Пет. 2, 9.

С другой стороны, иные народы имеют неясные и путанные представления о догматах, и нет у них ничего чистого и строго выверенного; из-за этого не заметно у них ни православное, ни искажённое. В чистейшей же и святейшей и имеющей великую точность вере христиан из-за её чрезвычайной истовости, прямоты, изошрённости и бесприимственности, когда кто-то попытается внести какое-то хотя бы даже мелкое извращение или новшество, — искажение и подлог сразу же изобличается и становится очевиден при соотнесении с истиной и прямым смыслом, и благородство благочестивых догматов не может даже на краткое время ни потерпеть незаконнорождённое порождение, ни допустить называться с ним одним именем. Ведь в телах, отличающихся красотой, наличие даже какого-нибудь мелкого изъяна легче увидеть и обнаружить при сравнении с прочими прекрасными частями тела, а в уродливых видом нелегко изобличить добавленные пороки безобразия (ибо они скрываются сходством и подобием с безобразностью): так и в красоте поистине блистательной религии и веры христиан даже малейшее отклонение от неё производит великое безобразие и сразу же получает изобличение; а иные догматы языцев, полные великого беспорядка и безобразия, не дают своим приверженцам никакого ощущения наличествующего уродства.

Это же самое, кстати, можно видеть в отношении всех прочих искусств и наук. Ведь в самых строгих из них легче всего обнаруживаются даже малейшие погрешности, а в тех, что основаны на случайном¹⁰⁷, многое не замечается и не считается ошибкой. Если угодно, это касается и правителей, и вообще всех, причастных к власти, причём в наибольшей степени тех, кому вверена власть над бóльшим количеством людей: ведь любое незначительное их прегрешение становится серьёзным, <19> разносится повсюду и для всех делается поводом к пересудам; тогда как похожие огрехи, допущенные подчинёнными и стоящими ниже, даже не становятся известными, но остаются скрытыми и незаметными, угасая с ничтожеством и безвестностью погрешившего.

21. Итак, насколько христианская вера превосходит языческие мнения¹⁰⁸ величием, силой, красотой, точностью, чистотой и всеми другими совершенствами, тем сильнее лукавый враг подстрекает восстания против неё, и в той же мере обличаются отклонения безумных злоумышленников от правоты, каковы отклонения не могут утаить-

107 Греч. ταῖς τυχοῦσαις.

108 Греч. τὸν ἐν τοῖς ἔθνεσιν δοξασμάτων.

ся даже на короткое время или проникнуть в среду верующих каким-нибудь тайным образом. Но, как мы уже сказали выше, Кафолическая и Апостольская Церковь Божия делает тщетными и бессмысленными все ухищрения лукавого и, более того, обращает его коварство против него самого, легко опровергает все богохульства еретиков и посрамляет бесстыдство, принимая против них всех непобедимую силу и всё время украшаясь прекрасными и спасительными для мира победами.

22. Ты же (не знаю, каким именем назвать мне тебя, чтобы в полной мере показать мою ревность о тебе?), просветив свою душу сиянием Божественного Духа и обратившись к лучам православия, совершив дело, благодаря которому ты возвысился до деяний Константина Великого¹⁰⁹, держись отныне своего изначального разума и понимания. Твёрдо стой на *камне веры*¹¹⁰, на котором ты прекрасно воздвигнут Господом; начинай строить на основании своей правой веры благие дела и добротность жизни¹¹¹, не из дерева, сена или соломы, вещества, легко воспламенимого грехом и годного только на сожжение и ни на что другое, но из серебра и золота — драгоценностей честных дел, ибо они, даже подвергаясь испытанию огнём, оказываются ещё чище и ценнее¹¹². Так и Христос, Владыка всех, повелевает приносить плоды и не посрамлять веру своими поступками; так советует и Павел, великий учитель Церкви; так [говорит] и Пётр, первоверховный апостол, которому вверены ключи и вход в небесные <20> врата; тому же научил всю вселенную божественный хор остальных апостолов, так было заповедано отцам нашим, которые передали это нам, своим потомкам. Так и мы увещеваем и советуем тебе украшать веру добродетелями и верой делать добродетели ещё более сияющими.

Я хотел бы сам быть с тобой и присутствовать при деяниях, дабы, видя своими глазами твоё добровольное намерение творить благие дела, я ещё более мог бы пребывать в радости и веселии; а если бы произошло что-нибудь непредвиденное, мне можно было бы легко взять дело в свои руки и тотчас же исправить подобающим образом. Но поскольку желание это лишено возможности и множество препятствий мешают этому стремлению, мне только и остаётся изложить мои советы письменно, что я обещал в начале, а теперь попытаюсь исполнить.

109 Речь идёт о крещении Болгарии (864).

110 Мф. 7, 25.

111 Греч. βίου σεμνότης.

112 Ср. 1 Кор. 3, 11–14.

[Десять заповедей]

23. О том, что Бога нужно любить и чтить чистым сердцем, что должно любить и уважать ближнего, как самого себя¹¹³, в людях заложено как бы врождённое знание. Но поскольку воля часто не совпадает с этим знанием, всеобщий образ мыслей пришлось записать как закон и предписание. То, что искренняя любовь¹¹⁴ к Богу и уважение и совершенная любовь¹¹⁵ к ближнему содержат в себе деяния всех остальных заповедей, нетрудно уразуметь и само по себе; на то же указывает и то изречение Владыки, в котором Он говорит: *«На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»*¹¹⁶. Ибо тот, кто утвердил в своём сердце глубокую любовь к Богу и уважает и любит ближнего, как самого себя, тот будет особенно сильно любить своих отца и мать и воздавать им величайшее — после Бога — почтение; а от кровопролития и убийств соплеменников сохранит в чистоте не только руки, но и язык, и помышления от таковых умыслов. Такой не будет и вором: ведь никто не станет красть у того, кого любит и оберегает, как самого себя; не осквернит и чужих браков, не произнесёт ложной клятвы, отнюдь не будет лже-свидетельствовать против своего ближнего. Ни в коем случае не пустит он в ход незаконные руки, нанося удар или <21> пощёчину или делаясь насильником, возжелавшим того, что принадлежит ближнему. Ибо тот, кто нарушит любую из этих заповедей, тем самым осквернит и то, и другое: и любовь к Богу и Владыке, и почтение к сородичам, второе окружая кознями и злом, а к первой относясь нерадиво и презрительно. Из этого всем видно, в какие горькие и неизбежные мучения он ввергает этим самого себя. Ибо если презревший человеческие установления или предписания властей не избегает наказания, а иногда даже жизнь его оказывается под угрозой, то насколько большую кару понесёт тот, кто бесчинством и умыслом против такого же, как и он, раба¹¹⁷ бесчестит и уничижает Владыку и Царя всех, попирая и выставляя на посмешище его законы? Поэтому подобает всяким образом и со всем усердием, вкупе с чистой и незапятнанной нашей религией, блюсти и эти заповеди, ибо без них совершенно не-

113 См.: Втор. 6, 5; 10, 12; Лев. 19, 18.

114 Греч. ἔρως.

115 Греч. στοργή καὶ τελεία ἀγάπη.

116 Мф. 22, 37–40.

117 Греч. ὁμόδουλον. Тем самым подчёркивается мысль о равенстве всех людей перед всеобщим Владыкой — Богом.

возможно ни разделить участь верных и боголюбивых, ни удостоиться Царствия Небесного.

24. Но это нужно всеми силами соблюдать всякому человеку — начальнику и подчинённому, юноше и старцу, богатому и бедному, ведь природа [у них у всех] общая, и общие предписания, требующие общего соблюдения и старания. А то, что имеет особое отношение к наставлению правителей, и что особенно необходимо соблюдать твоей державности, и из чего к тебе придёт и наибольшая опытность и в прочих делах, об этом я постараюсь изложить ныне. Ведь правителю подобает особая красота добродетели¹¹⁸, благопристойность и нравственная, и всякая иная. Поэтому и говорят: «Власть показывает человека», и ещё: «Как золото проверяется на пробном камне, так и характер человека испытывается в делах управления и мыслями подчинённых». Ты же будь ко мне особенно внимателен, чтобы быть не только слушателем, но и совершителем дел добрых и достойных восхищения.

[Обязанности в делах веры]

25. Начало же в этом мы положим вопросами божественными. Итак, молитва связывает и сближает нас с Богом, будучи некоей боговдохновенной беседой и умным общением с Тем, Кто прекраснее и драгоценнее всего, от Кого происходит всякое существование и поддержание¹¹⁹, всякое промысление и подаяние благ, всякое совершенство и очищение от страстей. Поэтому, если бы даже от молитвы не было никакой иной пользы, сама по себе она была бы вполне <22> достаточна для боголюбцев и жаждущих созерцать благо, помимо всякого жизненного блаженства и счастья. Когда же мы через неё получаем отпущение грехов, и вызываем все подобающие благие и совершенные дары иных прошений, и считаем достойным за неизреченные к нам деяния и дары воздавать через неё благодарность Благодетелю, а именно: приносить Ему, словно некие начатки, молитвенные движения ума и славословия нашего умного и словесного существа¹²⁰, — когда, стало быть, столь великое и многое охвачено молитвой, разве

118 Античный термин *καλοκάγαθία*, означавший полноту физического и морального совершенства, в христианскую эпоху стал выражением, прежде всего, нравственных добродетелей.

119 Греч. οὐσίωσις καὶ συνοχή.

120 Греч. τῆς νοερᾶς ἡμῶν καὶ λογικῆς οὐσιώσεως.

не следует с охотой и готовностью обращаться к ней, любить и держаться её всеми силами?

26. Итак, всегда воссылай свои молитвы к Богу и сам про себя, и молясь открыто вместе с народом. Ибо то и другое, совершаемое боголюбиво, есть проявление благоговения: насколько первое предрасполагает к чистоте мыслей, настолько второе призывает видящих к подражанию; и одно совершается к личной пользе, а второе способно принести пользу и другим людям, чьё спасение и преуспевание, в свою очередь, есть великое свидетельство добродетели правителя.

27. Воздвигай храмы во имя Бога и святых Его в соответствии с церковными правилами и приучай людей собираться в них¹²¹, дабы они, совместные взывая к милости Божества и воздавая Ему общее славословие, тем скорее побуждались к общему согласию и получали плоды общего спасения и пользы.

28. Совершение Жертвы в нашем священном богослужении возложено на священников; с готовностью помогая и подавая им, ты сподобишься за это великого благоденствия и дара благодати. Ты и сам мог бы при желании стать прекраснейшей и любезнейшей жертвой Богу, посвящая Ему чистую жизнь и прямоту мыслей.

[О личных качествах правителя]

29. Зная, что большую важность в управлении прочими имеет сила и быстрота разума, не пренебрегай заботой о нём. Ведь сообразительным нельзя стать, не будучи таким от рождения, однако занятия и практический опыт, предоставляя доступ к знанию, часто в одних и тех же делах показывают поднаторевшего в упражнениях¹²² более способным, чем обладающего <23> природной сообразительностью. Поэтому следует упражнять свой разум в течение всей жизни; приобретается же он через изучение и память о деяниях древних, через беседу и общение с ныне здравствующими разумными мужами и через накопление опыта в житейских поступках. Ведь всякое деяние, набравшее силу благодаря примеру, совету и навыку, достигает — если не препятствует вышняя воля — благополучного завершения.

30. Не пренебрегай и привычками, внешностью и движениями, относящимися к телу, как чем-то незначительным. Ведь превосходная

121 Греч. ἐκκλῆιάζεσθαι.

122 Греч. τὸν ἐγγυγυμνασμένον — букв. «натренированного».

чинность и степенность в этих вещах считается не самой малой частью разумности; и те из людей, которые не умеют с лёгкостью увидеть силу и красоту в душе, таковые, следуя за внешними наблюдениями, проникаются любовью и одобрением и к тому, что скрыто от глаз. Поэтому нужно выглядеть благопристойно и важно и в выражении лица, и в убранстве волос, и в облачении наряда, не увлекаясь праздной роскошью и излишеством, но, с другой стороны, и не впадая в чрезмерное нерадение и легкомыслие. Ведь и то, и другое неподобающе, и легко навлекает порицание, и чуждо начальственному поведению. И по́ступи властителя подобает размеренность, чтобы не делать походку неприлично женственной и расслабленной, но и не придумывать её слишком резкой, неровной и неестественной; и вообще, всякое движение украшается чинностью.

31. Следует также остерегаться торопливости в речах: ведь быстрота слов, быть может, не предосудительна и не столь уж неуместна в словесных состязаниях и прениях, но в публичных выступлениях неразумна и рискованна, а в распоряжениях, особенно касающихся государства и общества, — пошла и низменна. Точнее говоря, быстрота в действиях, словах и движениях в сочетании с благочинностью делает обладателя этих качеств каким-то божественным и сверхъестественным; однако это редкость, и собрать всё это вместе в высшей степени трудно. А размеренность всего этого¹²³ в сочетании с благочинностью производит вид важный и достойный восхищения, исполненный величия и желанный с благоговением и более подходит для правления, если вообще есть среди лучших качеств что-то более любезное народу. Напротив, быстрота в сочетании с беспорядочностью <24> [делает правителя] легкомысленным и сумасбродным: и иногда приводит к большим успехам, но в большинстве случаев ввергает в не меньшие неудачи. Медлительность же с беспорядочностью [делает] ленивым и немощным и приводит к неудачам, иногда крупным, а к успехам ничтожным: да и те слишком низменны и выглядят успехами лишь в сравнении с прочими его деяниями¹²⁴.

123 То есть действий, слов и движений.

124 Изложена схема типов характера правителя, образующихся из сочетания двух качеств — быстроты (стремительности дел и слов, ловкости движений) и благочинности (дисциплины, упорядоченности): 1) наличие обоих качеств даёт редкий «божественный» тип; 2) наличие второго при недостатке первого образует нормативный пример «величавого властителя»; 3) наличие первого при отсутствии второго даёт тип правителя-сумасброда; 4) отсутствие обоих даёт наихудший тип правителя.

32. Надрывать от смеха — значит не только обезобразивать облик, но и оскорблять постоянство нрава.

33. Пусть и слух, и язык будут чистыми от всякого сквернословия. Ведь если человек получает удовольствие, слушая нечто подобное, он не постыдится и произнести такое; а если кто не стыдится произнести, тем самым предоставляет веское доказательство, что не постыдится и сделать. Вообще же, оберегай язык от случайных словечек: ибо часто бывало так, что малейшая вырвавшаяся оговорка приносила великий вред, выбрасывая в отношении жизни самый крайний жребий¹²⁵.

34. Держи уши открытыми для обижаемых и закрытыми для наветов и отговорок обидчиков.

35. Отвращайся от клеветующих уст и доносительства, ибо часто они обращали детей против отцов и отцов против детей, разрывали жизненные союзы и восстанавливали друг на друга родственников. Да что я говорю? Целые города и роды разрушало одно слово доносчика.

36. Не будь поспешен в дружеских связях; завязав же дружбу, всеми способами старайся сохранить этот союз, принимая на себя всякую тяготу близкого, кроме того, что грозит повредить душе. Ведь распри с друзьями порочат все отношения людей в целом и навлекают подозрение не только на виноватого, но и на невиновного. Бери в друзья тех, кто к другим во всякое время хранил дружбу и ни в благополучии не смотрел на них завистливым глазом, ни в несчастьях не пренебрегал. Ведь многие помогали и сочувствовали друзьям, оказавшимся в беде, но, когда им становилось хорошо, не могли вынести вида их благополучия; и тех, кого не обличила пора сострадания, выводила на чистую воду страсть зависти. Итак, приобретай друзей не <25> дурных, но наилучших: ведь нравы и привычки людей чаще всего определяются по тем, с кем они дружат. Кроме того, если кто уклонится [с пути истинного], ему легче всего исправиться с помощью добрых и честных друзей; а дурные осквернят и имеющиеся добрые качества; и одни восполняют недостатки наших добродетелей, подпирая своими собственными и давая выглядеть безупречными, а общение с дурными даже имеющийся остаток добродетели выставляет фальшивым.

Не стремись к тому, чтобы слышать от друзей приятное, но, наоборот, правдивое: ведь если врагам, не говорящим правды, нельзя верить, а у друзей слово правды искажено, и они стремятся говорить

125 То есть, приводя к гибели людей. В истории Византии немало политических деятелей, включая самих императоров, поплатившихся жизнью за неосторожно брошенное слово.

приятное, из какого другого источника придёт к нам знание правды и исправление того, что мы подчас нехорошо делаем или говорим? Потому помни, что друзья и льстецы — далеко не одно и то же: ведь последние, хваля тебя в лицо, и тебе не дают как следует заметить совершённые ошибки, и другим наветами преподносят их ещё большими; первые же и тебе дружелюбным обличением скорее помогают увидеть допущенное беззаконие, и если что-то нужно говорить внешним, вместо обвинения придумывают извинение для содеянного. Итак, насколько преуспевание во зле отличается от упражнения в добродетели и наветы среди подчинённых — от упразднения [самой почвы] для этих наветов, настолько тебе следует иметь больше доброжелателей, чем льстецов.

37. Делись с друзьями тем сокровенным, что приумножает твою добродетель; но в то, что ослабляет дух, ни сам не вникай, ни друзей не посвящай. Это лучше всего и без какой-то иной причины; но особенно польза от этого совета видна, когда дружба вдруг, как и многое у людей, приедается, ведь тогда постыдность тайн, закрадываясь в мысли посвящённого и будоража их, быстро и безо всякого препятствия отстраняет от любви и не позволяет оглянуться назад, а огласка навлечёт на тебя тяжёлое обвинение и сделает к рассказавшему ещё более враждебным. Напротив, добрая [тайна] будет удерживать посвящённого от расторжения дружбы, укрепляя её сильнейшей связью добродетели, и, приходя на ум, будет настраивать к похвале твоему серьёзному образу мыслей; да и ты, конечно, сознавая это, если что-то отстранит тебя [от друга], не без удовольствия восстановишь общение с ним и вернёшься к приятным отношениям. Итак, всегда хорошо отзывайся о друзьях, особенно перед присутствующими об отсутствующих: тем самым ты и лъстивости избежишь, <26> не давая для неё ни малейшего повода, и для друзей будешь делающим приятное, убедив в том, что твоё расположение к присутствующим такое же, как они увидели в отношении отсутствующих.

38. Оградив же себя таким образом дружбой, будь неумолим к тем, кто несправедлив к другим и ко всему обществу, а к согрешающим против тебя лично — в высшей степени снисходительным. Ведь, благодаря первому, в государстве установится благозаконие и проявится твоя забота и ответственность в отношении подданных; а благодаря второму, провозглашается человеколюбие образа мыслей и поистине царственный образ действий. Ведь тираны часто пренебрегают беззакониями общественными и касающимися других, но жестоко

преследуют за допущенное против них самих; дело же василевса и наиболее законной власти — человеколюбиво переносить личные [оби-ды], но справедливо наказывать за общественные и допускаемые одними в отношении других.

39. И как больших похвал достоин тот, кто, имея всю власть совершать несправедливость, поступает справедливо, так и величайшему осуждению подлежит тот, кто налагает свои руки на чужое, не испытывая при этом нужды ни в чём действительно необходимом. Ведь для человека нищего, если он совершит преступление, его нищета может послужить, хотя и весьма слабым, но оправданием; человеку же, обладающему могуществом и не испытывающему нужды, грех беззакония неизвинителен.

40. Чем большей властью облечён человек, тем большей добродетелью он должен отличаться. Поступающий же наоборот совершает сразу три злейших дела: губит самого себя, соблазняет на зло видящих и позволяет хулить Бога за то, что Он вручил такому столь великую власть. Поэтому любому человеку нужно избегать пороков, но особенно — стоящим у власти.

41. Итак, управляй подданными, уповая не на тиранию, но на доброжелательное расположение подначальных: ведь благожелательность — лучшая и более надёжная основа власти, нежели страх. Приобретается же это через стяжание добродетелей и непрестанные труды и заботы о подвластном [народе]. Таким образом ты и сам будешь жить истинно по-царски и счастливо, и для них, сохранив государство свободным от [злого] умысла и неисчислимых бедствий, оставишь по себе на все времена неизгладимую память.

42. Из законов одобряй и принимай самые строгие и, взирая на них, упорядочивай собственную жизнь. Подданных, впрочем, не подвергай предусмотренным их нормами неумолимым наказаниям, но, скорее, воспитывай при помощи более человеколюбивых. Тем самым ты станешь страшным для преступников, благодаря тем [законам], которые строго соблюдаешь сам, и нетягостным для подданных. <27>

43. Управлять нужно сдержанно, не карать, но выглядеть готовым покарать. Это достигается уравновешенностью нрава и серьёзным наблюдением за собственным поведением. К карам же прибегают, скорее, люди гневливые, чем разумные: из-за неумения благоразумно вести за собой народ¹²⁶ они легко обращаются к наказаниям. Это стал

126 Греч. τοῦ δημαγωγεῖν σωφρόνως.

бы делать последний из тиранов, а то и только первейший из правителей¹²⁷, если, конечно, доблесть правителя в том, чтобы не губить подвластных, но делать их многочисленнее и лучше.

44. Некоторые утверждали, что доблесть правителя — сделать государство¹²⁸ из малого великим: я же сказал бы, скорее, чтобы из жалкого сделать его достойным уважения¹²⁹. Ведь первое часто бывало следствием благоприятных обстоятельств, тогда как второе может произойти не иначе, как благодаря правящему наилучшим образом. Стараясь быть таким в своих свершениях, ты добродетелью возвеличишь образ жизни¹³⁰ подданных.

45. Как обветшавшая городская стена, хотя и имеет внутри великолепные дома, благорастворение воздушных масс и изобилие товаров, тем не менее позорит город, так и дурные люди в окружении правителя порочат и его собственную нравственность: ведь те, кто на опыте испытывают их порочность, полагают, что таков же и тот, в чьей свите они состоят.

46. Не одобряй ничьё беззаконие, даже если тебе и кажется, что с его помощью достигается благополучие, ибо ты и его тем скорее поощришь на преступление, и себя покажешь готовым при случае совершить подобное. Ведь тот, кто заранее за это одобряет и удостоивает похвалы, разве не сделает такого же, когда представится возможность?

47. Поведение начальников становится законом для тех, кем они руководят. Итак, если народ в чём-то согрешает, он кивает на правителя: подумай, насколько важно самому упражняться в добродетели и неуспынно ощущать вечный долг совершать добро.

48. Всякому делу пусть предшествует совет. Ведь необдуманные дела по большей части неудачны, а источником успеха справедливо было бы считать, скорее, не что иное, как внезапный порыв, зачастую ошибочный, и неожиданный оборот событий.

49. Чего не могли сделать руки многих и за много раз, совершал сразу один совет, поэтому добрый совет предпочитай обилию рук. <28>

127 Греч. ὁ ἀρχικώτατος.

128 Греч. πόλις — букв. «город-государство». Речь идёт об Афинах эпохи Исократа (IV в. до Р.Х.), которому принадлежат приводимые слова (*Isocrates Atheniensis. Ad Nicoclem* 26; 35 // CUFSG CB. 87. P. 104–105, 107).

129 Греч. ἐκ φαύλας σπουδαίαν παρασκευάσαι.

130 Греч. πολιτείαν.

50. Раскаяние — помощник предусмотрительности. Так пусть же то, что от последней укрылось и не удаётся, первое, пересмотрев, поправит и благополучно выполнит.

51. Зависть — великий недуг для любой души, но особенно для тех, кто облечён властью. Ибо на тех, кого им надлежит использовать как помощников во благо собственной жизни и государства, она вынуждает смотреть как на врагов из-за присущей им добродетели и злоумышлять на них, как на противников: что может быть пагубнее или безумнее этого?

52. Насколько нужно избегать завидовать, настолько же стараться не возбуждать зависть; особенно это касается правителя, которому вред от завистников причиняется не сразу. Но если и нужно уберегаться от зависти (ибо это зверь весьма хитрый и способный на всё), то стрелы её следует отражать не умалением добродетели, но умеренностью разума, самоотречением и урезанием необязательной пышности и излишеств.

53. Пусть только тогда кто-либо считается истинно властвующим над другими, когда он властвует собой. Ведь когда они увидят, что правитель овладел страстями и держит в узде удовольствия, тогда они и сами радостно и охотно будут подчиняться; но если увидят его рабом наслаждения и страстей, сочтут для себя невыносимым подчинение невольнику.

54. Лучшим судьёй считай того, кто быстротой рассуждений улавливает природу права, а уловив, проводит его с прямотой; кто быстр на то, чтобы дать облегчение обижаемым, и медлителен на расправу над погрешающими; кто выше золота и не слабее власть имущих; и удерживая гнев, не поддаётся и жалости; и признаёт в суде только одну родню, дружбу и славу — справедливость и только одно чуждое, враждебное и бесславное — несправедливость.

55. Никогда не меняй своего отношения к сородичам вдруг и без явной причины. Ведь даже если скрытые от них причины и делают их заслуживающими этой перемены, но, не сознавая их, они не в этом будут искать причину перемены твоего к ним отношения, но начнут винить в нём твоё непостоянство и легкомыслие.

56. Во время войны мужество не так украшает и спасает правителя, как благоволение и человеколюбие к соотечественникам. Ибо многие, одолев врагов, были убиты за жестокость своими же; и многие, кому вот-вот уже грозило пленение врагами, были спасены соплеменниками, не пожалевшими самой жизни ради спасения государя. <29>

57. Ставить начальниками следует прежде всего людей, изобилующих всеми добродетелями, а если таких нет, во всяком случае самых справедливых: ведь и те беззакония, которые допускаются начальниками, возбуждают ненависть и гнев народа к тому, кто их назначил.

58. Правителю нужно отовсюду улавливать умонастроения подчинённых и таким образом приобщать их и к дружбе, и к власти, и к замыслам. Во-первых, из того, как сам он управляет своим домом; во-вторых, из того, как общается с женой, детьми и слугами; в-третьих, из обращения с друзьями; в-четвёртых, из отношений с соседями; в-пятых, из того, как он воспринимает и отражает вражду и чем он её вновь прекращает и примиряет. Ибо этого достаточно для того, чтобы засвидетельствовать [подлинную] природу человека и показать его без личности даже для тех, кто видит его играющим на [политической] сцене.

59. Лучшим всех судьёй ты станешь тогда, когда при рассмотрении своих собственных дел будешь за каждый поступок давать ответ суду совести и стремиться к исправлению ошибок. Иначе как ты сможешь не краснеть, обличая других в том, в чём сам допустил похожие прегрешения? Как, по-твоему, будут они относиться к тебе, когда за то, в чём они видят тебя безнаказанным, сами они осуждаются на получение наказания?

60. Поощряй добрые дела, и поощряй не только словом, но и прежде всего тем, что сам будешь совершать подобное и показывать, что подражающие [в таких делах] прежде всех прочих заслуживают почёта. Ведь первое может любой, а второе — только достойный править.

61. Заботься обо всех: о добрых людях, чтобы они становились лучшими и пользовались приличествующими им почётом и заботой, а о тех, кто не таковы, — чтобы они улучшили свой образ мыслей и были избавлены от полагающегося по закону бесчестия. Это поистине дело законной власти и попечения.

62. Взаимные распри подданных переводы в русло борьбы за отечество, обращая против врагов. Ведь возмущать толпы свойственно тиранам, так как во всеобщей пагубе и раздорах заключается безопасность тирании; правителю же и василевсу¹³¹ свойственно поддерживать согласие подданных, так как на их благополучии¹³² зиждется основание их власти.

131 Греч. ἄρχωντος δὲ καὶ βασιλέως. Адресат послания (архонт, князь) ставится в один ряд с императором (царём).

132 Греч. σωτηρία.

63. Правитель должен быть как страшным для беззаконников, так и защитником <30> и оплотом для тех, кто не совершают никаких преступлений, но живут по законам.

64. Три вещи [действуют] на людей: возмездие, порицание и похвала, а также, если угодно, благодеяние. Но первого заслуживают враги, порицания — те из сограждан, кто совершили нетяжкие прегрешения, а похвалы и благодеяния — отличившиеся подвигами; если же кто доходит до дерзости, подобной врагам, обращает на себя и полагающееся им возмездие. Тот же, кто в этих вещах что-то путает и нарушает порядок, тот враг государства больший, нежели неприятели. Ведь оказывающий услугу неприятелям называется предателем, а тот, кто восхваляет дурных людей, ниспровергает государство (ибо призывает граждан к пороку) и, не почитая достойных, отвергает общественную жизнь в такое же смятение.

65. Трудно совмещать страх с любовью: ведь любящие, как правило, не имеют страха, а боящиеся не желают любить. Ты же разделяй: лучшим предоставь любить (ибо им не нужен никакой страх), а других необходимо устрашать, дабы удержать от дурных дел. Они будут испытывать страх без ненависти, если увидят, что ты наказываешь не по злобе, но как воспитывающий отец и за проступки караешь без удовольствия, а в бедах и несчастьях готов безотказно помогать.

66. Те, кто природные дарования используют для служения пороку, а не для благодеяния к ближним, таковые и природу унижают, и Создателю за оказанную им честь воздают поруганием и неблагодарностью.

67. Как постыдно и низменно беседовать с народом, заискивая, так же опасно и рискованно всегда напускать на себя важность и выглядеть надменно. Нужно, таким образом, избегая и той, и другой крайности, стремиться к середине как к добродетели и каждому моменту уделять надлежащее.

68. Опрометчивая клятва легко приводит к клятвопреступлению. Кроме того, клясться вообще не свойственно ни твёрдому нраву, ни благородному уму: человек стойкий и честный постыдится клятвой доказывать верность слов и бесчестить доверие к своему поведению. Так что вполне подобающе и заботливо закон Господа запрещает клятву¹³³.

133 См. Мф. 5, 34.

69. Оказанное тебе добро помни всегда, а свои благодеяния поскорее забывай. Ведь первое — [признак] доброты и признательности, а второе — чистого великодушия и чистым сохраняет благодеяние. <31>

70. Ставить людям в укор благодеяния и несчастья считай делом одной и той же легковесности и бесчеловечности.

71. Обман — всегда признание в слабости. Но если он среди друзей, это крайнее зло и [признак] величайшей порочности; если же против врагов и неприятелей, то в случае, если они ничего заранее не знают, это близко к стратегическому манёвру; если же с ними заключено соглашение и оно не расторгнуто, то это дело отнюдь не благородное и не мужественное. Поэтому не нападай обманом на доверившихся тебе противников, ведь хотя они и неприятели, однако от этого обманувший поверивших будет ничуть не меньшим лжецом и обманщиком.

72. Предателя люди, как правило, любят, пока он совершает предательство, но, когда совершит, ненавидят. Ты же смотри внимательно: и если он предал, подвергаясь козням со стороны своих и испытывая тяжёлые невзгоды, есть надежда, что он станет добрым другом; если же ничего этого нет, считай его ничуть не менее предателем и против тебя. Ведь стремиться, пострадав, избавиться от бед — человеческая страсть; но пойти на столь великое злодейство — [признак] неисцелимой порочности.

73. Золото извращает все дела человеческие. Так старайся же беречь незапятнанный обычай своей родины¹³⁴, и признавая, и всем доказывая, что золото — коварный обольститель для любящих его.

[Публичное поведение правителя]

74. Собственные злоключения должно переносить благодарно и благородно, а беды подданных — с состраданием и равнодушно, ибо стойкость в первом случае [есть свойство] мужественного разума, а презрение во втором — недостойно начальственной заботы и опеки.

75. Не мстить единоплеменным врагам — таков божественный и человеколюбивый закон¹³⁵. Да и само по себе это дело заключает великую пользу: ведь мстящий снова получает врага, ещё более жестокого;

134 Цивилизованные народы часто восторгались трезвым и спокойным отношением к деньгам со стороны народов «варварских», живущих в простоте и чистоте нравов.

135 См. Мф. 5, 38–45.

а благотворящий приобретает или друга вместо врага, или, во всяком случае, врага более кроткого.

76. Не окажись ни в чём нарушителем обещаний, открыто данных другим. Ибо обман в чём-то одном показывает нрав в целом недостойным доверия, да и для обманутых не будет постыдно ответить тем же. Итак, всякому человеку нужно поэтому избегать лжи, особенно же находящимся у власти. Ведь другим людям иногда служит оправданием отсутствие возможности, тогда как у этих нет прибежища, чтобы не подвергнуться всякого рода обличению в порочности мыслей.

77. Посему следует с осторожностью брать серьёзные обязательства. Ведь если ты их исполнишь, то упустишь большую часть благодарности, заранее разделив её серьёзностью заверения и уменьшив вдвое единый дар. <32> Если же ты не сдержишь слова, то будешь вдвойне посрамлён: во-первых, за то, что важно обещал, а во-вторых, что не исполнил обещанного, и вместо друга будешь выглядеть недругом, ведь ты лишил того, что внушала надежда. Кроме того, строгие обещания подходят тем, кто не слишком заслуживает доверия, и показывают, что они даются не столько ради заботы, сколько ради нужды.

78. Достоин благодеей тот, кто почитает и сущность, и название [благодеения] и не перестанет беспокоиться, пока не ответит на него. Как не достоин благодеей тот, кто отвечает благодетелю душевной неблагодарностью, так достоин чести благотворителя тот, кто дарит, не рассчитывая получить ответный дар.

79. Не попускай ничего противозаконного даже друзьям: ведь если они порядочные, то скорее возненавидят тебя как нарушителя законов, чем будут любить за послабление; если же они дурные, получишь двойной вред, делая благо злым и навлекая ненависть добрых. Да и, помимо этого, менять временную и частную радость на вечное и всеобщее осуждение — большое безрассудство.

80. Благодеения отсрочками и задержками во времени, словно вступая в старость, гасят свою красоту, ибо, отбросив цвет порывистости, который делал радость безыскусной и яркой, они доставляют приятное не ко времени.

81. Половинчатые дары не могут быть дарами: они становятся таковыми, когда доведены до конца. Человек, подаривший половину, причинил ущерб самому себе и одарённого не порадовал, ведь получивший половину будет не столько радоваться этой половине, сколько терзаться из-за недостающего.

82. Человек, который попрекает других своими благодеяниями, подобен земледельцу, который усердно засеивает поле, а на посевы пускает свиней и зверей. Ведь как этот губит и семена, и плоды от них, так и тот теряет и отданное, и возникающую к нему благодарность.

83. Сперва облагодетельствовав, а затем оставляя в небрежении, не думай, что облагодетельствованные изначально будут сохранять к тебе добрые чувства. Ибо я на опыте знаю, что некоторые, уповая на обилие и величину оказанных в начале благодеяний, в дальнейшем не заботились ни в чём проявлять подобное отношение, ведь они были уверены, что изначальной щедрости достаточно, чтобы признательность облагодетельствованных была вечной, и что никакое время не приведёт к забвению доброго дела теми, кому оно было оказано; случалось же не только не так, как они надеялись, но совсем наоборот. Конечно, что касается <33> дурных людей, то такое их поведение ничуть не удивительно, ибо они, даже если вдруг благодеяния рекой потекут им в руки, и тогда не отблагодарят от чистого сердца. Впрочем, это можно было видеть и с другими: так, люди, заботящиеся о порядочности, пока помнят о том, чего удостоились, не перестают восхвалять благодетеля, однако, не сталкиваясь с подобным в дальнейшем, даже они не сохраняют первоначальную признательность чистой и нетронутой, но со временем их благодарность, лишённая полива, увядает, и отцветает яркое и прекрасное очарование. Те же, кого можно считать средними по характеру, получая благодеяние, расположены благодарно, но, оставленные в небрежении, и сами не стыдятся переменить прежнее отношение на противоположное, особенно когда видят, что другие наслаждаются щедротами; ведь они не думают — хотя и следовало бы — о том, что им досталось ранее, но следят за теми благами, которые достаются ближним, и, раздражаясь этим, обращают похвалу в неблагодарность. Следовательно, гораздо полезнее для правителя и в государстве располагать к себе подданных дарами по частям и в течение всей жизни, чем сразу и единожды. А обилие и весомость наград подобает, скорее, совершившим некое выдающееся и необычайное деяние ради общего спасения, чем тем, кто считаются реже всего нуждающимися в нашей помощи.

84. Гнев есть добровольное исступление и отчуждение от собственного рассудка, ведь то, что обычно вытворяют сумасшедшие, очень похоже на то, что объятые гневом совершают в такую минуту.

85. Как огонь истребляет питающее его дерево, так и гнев пожирает охваченную им душу, а нередко и причиняет совершенную гибель живому [человеку].

86. Никогда никого, даже справедливо, не наказывай в гневе. Ведь даже если наказанный получил бы по заслугам, ты сам будешь ничуть не менее обличён за то, что подошёл к делу ненадлежащим образом. Поэтому кто-то из древних прекрасно изрёк провинившемуся: «Я наказал бы тебя, если бы не был разгневан»¹³⁶.

87. Гнев — слепая страсть, не способная отличать плохое от хорошего. Поэтому бесполезно увещевать разгневанного; когда же он успокоится, нужно приступить с целительным обличением, разбавив его доброжелательностью. Ведь и у врачей <30> не принято давать больным горьких лекарств, не смешав с мёдом; так и душа невоспитанных не воспринимает неумеренных обличений.

88. Насколько подобает быть скорым на благодеяния по отношению к достойным, настолько же — медлительным в возмездии по отношению к виновным; и радоваться, награждая добропорядочных, но огорчаться, карая заслуживших наказание.

89. Никогда не проявляй неверности к тому, кто доверился тебе. Ведь если мы будем обманывать тех, кто нам поверил, какими предстанем перед другими? И с кем в итоге сможем жить спокойно и приязненно?

90. Быть и казаться не одно и то же. Поэтому, если ты видишь, что кто-то хочет произвести впечатление, считай это дело поверхностным и расходящимся с сущностью.

91. Позорно тому, кто начальствует и правит над мужами, покоряться женщинам и выглядеть рабом желаний. Но если человек приобрёл законным образом помощницу в жизни, пусть, живя с ней вместе, не согрешает.

Безбрачие — вещь божественная и сверхъестественная, выше гражданской добродетели и законопослушности. А единобрачие — дело человеческой природы, [направленное] на продолжение рода и на совместную жизнь в доброте, человеколюбии и уважении к гражданским

136 Подобное выражение приписывается разным античным мудрецам: Платону (*Joannes Stobaeus*. Anthologium III, 20, 57 // *Ioannis Stobaei Anthologium*: in 5 vol. / rec. C. Wachsmuth et O. Hense. Vol. 3. Berolini, 1894. P. 551; *Diogenes Laertius*. Vitae philosophorum III, 39 // BSGRT. 1316. P. 216), Архиту (*Plutarchus Chaeronensis*. De liberis educandis 14 // LCL. 197. P. 48), Теану (*Proclus Atheniensis*. De decem dubitationibus circa providentiam 54 // QSGP. 1. P. 86), Демонакту (*Isocrates Atheniensis*. Ad Demonium 31 // CUFSG CB. 50. P. 129).

законам. Многожёнство же скверно и мерзко и ведёт к скотской разнужданности и нечистоте.

92. Александр Македонский, покоривший Азию копьём, говорил, что персиянки метают взоры как дротики¹³⁷. А муж, поистине целомудренный и блюститель заповедей Владыки, будет избегать и отвращаться от вида не только персиянок, но любой женщины, как от острой и смертоносной стрелы.

Звук её голоса поражает наш слух, и благодаря этому в душе отпечатывается страсть; телесная же красота привлекает взор и через него, налагая оковы, поработывает самовластный разум.

93. Как невозможно плавающему по морю не изведать бури и шторма, так же трудно взирающему с любопытством на красоту остаться вне проистекающих от этого волнений и опасностей. Поэтому стоит избегать источников и причин страстей: это и полезно, и нетрудно. Когда же зло уже проникло в помыслы и впечатался в них идол вожделения, избавиться от страсти бывает мучительно и далеко не просто.

94. Кто-то сказал, что влюблённые душу имеют в чужих телах; мне же кажется правильнее говорить, что в чужих телах они губят душу, а вместе с ней и ум. <35>

95. Пьянство и роскошество правителей считай крушением для подданных. Ведь когда кормчий утопает в пресыщении и вине, разве не ввергнется управляемое им государство в пучину бесчисленных волн и величайших водоворотов и не пойдёт на дно вместе с гибелью утонувшего кормчего?

96. Никогда никого из людей, даже случайно, не доводи до отчаяния. Ибо отчаяние — сильное и непобедимое оружие, и неоднократно нужда, руководившая¹³⁸ отчаявшимися в опасных делах, добивалась таких поворотов, которые, пока не случились, считались баснями.

97. Лучше всего для человека не ошибаться и не отпадать от правильного суждения. Разумный же, если и преткнётся, быстро поднимается и использует падение как предупреждение, чтобы не упасть снова.

98. Охота к труду устраняет невыносимость и тягостность вынужденных [дел]; поэтому полезны навыки и упражнения в добровольных [занятиях].

137 Cp.: *Plutarchus Chaeronensis*. Alexander 21, 11 // *Plutarchi Vitae parallelae*. Vol. 2/2 / recogn. Cl. Lindskog et K. Ziegler; iter. rec. K. Ziegler, ed. corr. cum add. curavit H. Gärtner. Stuttgartiae; Lipsiae, 1994. (BSGRT). P. 180.

138 Греч. στρατηγίας — букв. «командуя в бою».

99. Добродетель и совершенство правителя не только в том, чтобы народ стыдился совершать грехи, но и в том, чтобы прежде народа [это делал] он сам.

100. Словесные оскорбления для свободных немногим отличаются от ударов и плетей. Итак, следует остерегаться в этом опрометчивости, ибо они, казалось бы, незначительные, приносят великий вред.

101. Многим навредило балагурство, ибо, происходя от весёлого настроения, оно оказывалось смертельной раной для тех, над кем пошутили, и ради краткой радости случайных людей порождало вражду людей серьёзных. Всякому разумному следует избегать его, но особенно правителю, потому что это ещё и вульгарно, и доставляет скорее презрение, чем веселье.

102. Оберегай подданных, заботясь о них, словно о сухожилиях державы и собственных членах тела. Ведь если они порвутся, это будет грозить крушением и твоей власти.

103. Замышляемые заговоры, которые нелегко угасить, лучше утаить под личиной неведения и покрыть забвением, нежели торжественно предать огласке. Ведь <36> последнее, бывало, ещё больше раздувало пламя, вызывало грозные опасности и даже уцелевшему доставляло большой урон, тогда как первое мирно успокаивает и сочетает с безопасностью милосердие, благоразумие и отсутствие ущерба.

104. Правитель должен и при спокойном течении и благополучном состоянии дел быть начеку и готовиться к треволнениям; когда же они вздыбятся и разразятся — думать и заботиться, как бы вновь вернуть порядок и стабильность. Ибо опыт показывает, что нет ничего безнадежного в том, чтобы одно сменилось на противоположное, но часто малая небрежность ниспровергала великие и славные державы, и напротив, усердие, соединённое с добрым советом, вновь возводило ниспровергнутые [страны] на вершину могущества.

105. Люди благоразумные и уравновешенные, добиваясь успеха, не кичатся этим, но украшают славу скромным мнением о достигнутом и укрощают раздражение завистников; а неудачи переносят благородно и делают случившееся основанием для добродетели, укрепляют её силой разум и прогоняют упадок духа. Ведь они знают, что и в том, и в другом дела человеческие изменчивы, непостоянны и ненадёжны. А неразумным, легкомысленным и невежественным [своейственно] хвалиться и превозноситься в удачах, а в неудачах сильно падать духом и недостойно унывать.

106. Людям благоразумным [свойственно] заранее предугадывать трудности и устранять их при помощи здравого суждения; не хуже и те, кто может направить ко благу и устроить то, что уже случилось.

107. Мне знакомы [политические] ситуации, складывавшиеся внезапно, и я видел одних свидетелей поражёнными неожиданно случившегося, других переносившими происшедшее спокойно, но затем не сумевшими вынести его тяжесть, но чаще всего — как ущерб не умножался, а смягчался разными успокаивающими мерами. Ведь я видел, хорошо видел, как то, с чем таким образом свыкались, понемногу всё сильнее притупляясь привыканием, начинало считаться самым безобидным. Другие же [события], наоборот, даже живущих в беспечности и нерешительности, наподобие жала, словно пробуждали ото сна; ибо каждый, взволнованный необычностью и неожиданностью происшествия, весь становился человеком действия, и новый порядок не имел возможности продлиться даже один день. Иные же [начинания], тоже нарушавшие обычай, происходя исподволь и понемногу и скрадывая спокойствием и безмятежностью <37> ощущение новизны, проникали в жизнь без труда, и даже у людей опытных не оставалось в памяти, что произошло некое новшество. Некоторые же [нововведения], попытавшись закрепиться подобным образом, не путём тирании и не самоуправной силой, и открыто обнаружив свою шаткую опору, быстро ниспровергались первыми встречными; ибо своей осторожностью вооружив на крайнюю смелость и рискованную дерзость тех, которые до этого казались самыми смирными, они губили их вместе с крахом самой попытки.

Так каким же образом достичь цели? Ведь одно и то же, как видим, приводит к противоположным результатам. Лучше вообще избегать подобного, ибо новшества горазды, помимо прочих неприятностей, волновать и смущать умы и провоцировать толпу на вражду и бесчинство. Когда же бывает, что нужда довлеет, и стоящий во главе должен ввести новые порядки, ни к чему рассуждать и исследовать, велика ли окажется от этого польза или радость обществу. Даже если это будет иначе и доставит неприятности, не думаю, однако, что на словах легко рассудить, как бы это можно было сделать наилучшим образом, ведь обычным умом и вдали от реальных дел нельзя точно уловить последствия при тех или иных конкретных обстоятельствах. Впрочем, тот, кто приобрёл хороший опыт в вышеназванных делах

и имеет споспешество в этом вышнего Промысла, будет обладать великой силой¹³⁹.

108. Хорошее отношение подвластных считай сильнее и надёжнее оружия, храбрости и полководческого искусства. Ведь если оно есть и ведёт в бой, и остальное полезно и придаёт большой вес всему; если же благоволение утрачено, лучше потерять и всё прочее, ибо оно будет скорее обращено против ненавистной власти, чем против неприятелей.

109. Слова часто уступали копьям, но нередко сила слов притупляла остроту войны и ослабляла натиск больших армий. Таким образом, руки в сочетании со словом приносят двойной трофей.

Надежды настраивают на труд, а труд рождает надежды. Ты же, умилившись Божеством, не забывай ни одной из обязанностей — и пожнёшь добрые и обильные надежды.

110. Начальственному и рассудительному уму [свойственно] помогать каждому в его нуждах, а особенно — попавшим в беду: ведь, помимо прочего, они обычно всегда хранят память о благодеянии. <38>

111. Благосостояние подвластных возвещает о крайнем благоразумии и справедливости власти.

112. Во всех своих благих делах, что в частной жизни, что в общественной жизни государства, почитай справедливым видеть причину в Боге: так ты и Его обретёшь ещё большим помощником, и себя покажешь боголюбезным, и не будешь обличён в легкомыслии и надменности и обнаружишь обломанными стрелы зависти.

113. Вот то немногое из многого, то благородное и истинное порождение моих духовных трудов¹⁴⁰, что предложил я тебе, словно некие божественные символы моей к тебе дружбы и отеческой любви и образцовые скрижали добродетели. Взирая на них и устраивая и сообразовывая себя в соответствии с ними, ты без труда сможешь увидеть, какие дела помогают процвести заложенной в душе красоте, а какие, словно пятна или морщины, приводят её к позорному и безобразному

139 Данный раздел трактует о реформах — одной из самых острых тем государственной деятельности. Описывая разные типы нововведений, свт. Фотий ссылается на личный опыт: с 811 по 867 г. в империи случилось пять государственных переворотов, несколько гражданских войн и дважды резко менялась религиозная политика. Новшества в принципе не одобрялись в византийской общественной традиции, однако Фотий допускает случай, когда они необходимы, советуя при этом действовать быстро и решительно, не углубляясь в долгие и опасные дискуссии.

140 Греч. ὀδίνων — букв. «родовых мук».

виду. Одни из них вычёркивая, а другие вписывая [в свою жизнь], ты покажешь себя воистину одушевлённым и прекраснейшим образцом¹⁴¹ боголюбивого жительствова и приятнейшим для меня и всех благочестивых зрелищем и повествованием.

Поэтому я, простирая руки к небесам и мою любовь, труды и славу, воссылаемую Богу, вознося к Нему как масличную ветвь¹⁴², молюсь, чтобы ты стал надёжным исполнителем и верным хранителем надежд и увещаний. Чтобы ты был славен и знаменит преуспеваниями всякого рода; превосходит умом и твёрд в памяти, приятен в речах и ещё более приятен в обхождении; любезен случайным встречным и ещё более любим теми, с кем живешь постоянно; способен здраво оценивать и приводить в порядок настоящее — и проницателен, чтобы предусмотрительно остерегаться грядущего; готов сам вершить великие дела, но ещё более — сохранить достигнутое; умел таить, а ещё лучше — делать незаметно выгодное, но ещё более — разоблачать злоумышленников; чтобы ты был грозен для неприятелей, но любезен подданным, и чтобы те и другие в равной мере испытывали к тебе уважение и восхищение; чтобы ты был сильнее удовольствий, но слабее целомудрия; владыкой гнева, другом кротости; спешил найти правду и беспристрастно распределять блага; был последователен во мнении и твёрд в обещаниях; храбр в опасностях, робок на любое беззаконие; <39> никакую негу не предпочитал выдержке и добрым трудам; был скор на благодеяния, но медлителен на наказания; любил дружбу, но ненавидел вражду; был источником милости; был выше самомнения, покорен смирению; презирал богатство, помогал бедности; почитал истину, не договаривался с ложью; не падал духом от отсутствия похвалы, а хвалимый, не превозносился; был самодержцем языка и стражем слуха, невозмутимым управителем осязания и прочих чувств; не предавался никакой страсти и не соблазнялся разжиганием похотей. Кратко сказать, будь образцом и примером всякой добродетели и благочестия не только для своих подчинённых, но и добрым и великим назиданием для всего после тебя рода человеческого, соиздателем доброго и великого. За это будет предоставлено тебе неизреченное и вечное Царствие Небесное в неотторжимое наследие и несменяемое прибежище, в сверхъестественное и божественное утешение и неистощимое воздаяние.

141 Греч. ἄγαλμα — «украшение, статуя, изображение».

142 Древний символ мольбы.

Источники

- Diogenis Laertii Vitae philosophorum*: in 3 vol. / ed. M. Marcovich. Vol. 1: Libri I–X. Berolini; Novi Eboraci: W. de Gruyter, 2008. (BSGRT; vol. 1316).
- Fragmenta philosophorum Graecorum*. Vol. 2 / coll., rec., vert., annot. et proleg. illus., indic. instr. Guil. Aug. Mullachius. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1867.
- Ioannis Stobaei Anthologium*: in 5 vol. / rec. C. Wachsmuth et O. Hense. Vol. 3. Berolini: Apud Weidmannos, 1894.
- Isocrate*. Discours: en 4 t. / text établi et trad. par G. Mathieu et É. Brémond. T. 1: Contre Euthynous — Contre Callimakhos — Contre Lokhitès — Sur l'attelage — Trapézitique — Eginétique — A Démonikos — Contre les Sophistes — Hélène — Busiris. Paris: Les Belles Lettres, ³1963. (CUFSG CB; vol. 50).
- Isocrate*. Discours: en 4 t. / text établi et trad. par G. Mathieu et É. Brémond. T. 2: Panégyrique — Plataïque — À Nicoclès — Nicoclès — Evagoras — Archidamos. Paris: Les Belles Lettres, ⁴1961. (CUFSG CB; vol. 87).
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et amphilochia*: in 5 vols. / rec. B. Laourdas et L. G. Westerink. Vol. 1: Epistularum pars prima. Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1983. (BSGRT).
- Plutarchi Vitae parallelae*. Vol. 2/2 / recogn. Cl. Lindskog et K. Ziegler; iter. rec. K. Ziegler, ed. corr. cum add. curavit H. Gärtner. Stutgardiae; Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, ³1994. (BSGRT).
- Plutarch's Moralia*: in 14 vols. / transl. by F. C. Babbitt. Vol. 1: 1A–86A. London; Cambridge (Mass.): William Heinemann Ltd.; Harvard University Press, 1927. (LCL; vol. 197).
- Procli Diadochi Tria opuscula* (De providentia, libertate, malo): Latine (Guilelmo de Moerbeka vertente) et Graece (ex Isaacii Sebastocratoris aliorumque scriptis collecta) / ed. H. Boese. Berolini: Apud W. de Gruyter et Socios, 1960. (QSGP; Bd. 1).
- Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon* / rec. S. Wahlgren. Berolini; Novi Eboraci: W. de Gruyter, 2006. (CFHB SB; vol. 44/1).
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / ex recog. I. Berkkeri. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae).
- White D. S., Berrigan J. R. The Patriarch and the Prince: The Letter of Patriarch Photius of Constantinople to Khan Boris of Bulgaria. Brookline (Mass.): Holy Cross Orthodox Press, 1982.
- Максим Грек, прп. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н. В. Сеницына. М.: ЯСК, 2014.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетеия, 2009. (Византийская библиотека).
- Симеон Магистр и Логофет. Хроника / пер. А. Ю. Виноградова, коммент. П. В. Кузенкова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. (Мириовивилон. Источники).
- Фотия, патриарха Константинопольского, Послание к Михаилу, князю Болгарскому, о должности княжеской / пер. иерод. Иуста (Драницына). М.: В Университетской типографии, 1779.

Литература

- Иванов С. А.* Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: ЯСК, 2003.
- Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик, 2002.
- Синицына Н. В.* Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1965. Т. 21. С. 96–125.
- Чичуров И. С.* Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М.: Наука, 1990.
- A Critical Companion to the 'Mirrors for Princes' Literature / ed. by N.-L. Perret and S. Péquignot. Leiden; Boston (Mass.): Brill, 2023. (Reading Medieval Sources; vol. 7).
- Slovník jazyka staroslověnského: v 4 sv. Praha: Nakladatelství Československé Akademie věd, 1958–1994.